

Дейлекронт: дитя чернильной течи

Роб Гроул

18+

Роб Гроул

Дейлекронт: дитя чернильной течи

«Автор»

2021

Гроул Р.

Дейлекронт: дитя чернильной течи / Р. Гроул — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-94205-9

После смерти Фейлона Нильшерт стал лакомым кусочком для северных завоевателей. Но отдавать родные земли - последнее дело. Соглашение о перемирии трещит по швам и ничего не остаётся как развязать войну. Кенваль единственный наследник царского трона Нильшерта. Его отец возлагает на него большие надежды. Но мальчик боится, что не справится с той ответственностью, которая на него возложена. Однако страх стать недостойным правителем уходит на второй план, когда перед ним начинает раскрываться тайна детской страшилки: чернильная течь действительно существует.

ISBN 978-5-532-94205-9

© Гроул Р., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Вступление	5
Пролог	7
Глава 1. Царство Нильшерта	8
Долгожданное чудо	8
И дождь идёт, когда сияет солнце	9
Чувство долга	23
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роб Гроул

Дейлекронт: дитя чернильной течи

Вступление

Существует много страшных историй, от которых стынет кровь. Кровавый мясник, призрак умершей невесты, красногубый вурдалак, Лох-несское чудовище. Но как быть, когда страшилка, признанная попросту пугать детишек, является правдой? Насколько бы ты легкомысленно не относился к ней, старался её игнорировать, пытался стереть из своей памяти, в глубине души ты понимаешь, что от неё никуда не деться. И эта будоражащая история переносит нас в Дейлекронт, место полное различных сказаний и легенд.

Земля Дейлекронт поделена на пять огромных частей: Леваду, Тинту, Аскорию, Версах и Нильшерт. В центральной части – Нильшерте – живут преимущественно шелы – мирный народ, занимающийся выращиванием пшеницы и других культур. Их пропитание состоит целиком из растительных продуктов, они не признают мяса, считая, что мёртвая плоть – это мерзость. Поэтому сказать, что они были воинствующей расой, было бы неправдой. Однако дисциплина никогда не была их слабым местом. Их равнина расположена у подножья горы Атис, высота которой простирается до самых облаков. Мало кто пытался покорить её и никому не удавалось. У этих жителей и так хватает других забот: хозяйство, семья, вражеские набеги. Время для развлечений – непозволительная роскошь. Шелы живут большими семьями. Чтобы содержать крупные имения необходимо большое количество ручного труда, который очень часто выполняли дети собственников. Немногие могли позволить себе наёмных рабочих, разве что такие богатые вельможи как Атан, Силганг. Даже непонятно, что они забыли в этой Богом забытой земле, когда на юге Аскория – рай Дейлекронта. Их земли самые плодovитые. Настолько мягкие и рыхлые, что можно рукой пронзить чернозем по локоть. Солнце восходит каждое утро и нежно греет всякий клочок почвы. Тонны сочных фруктов валяются на дорогах из-за того, что созрели и не могли больше держаться на ветвях своих деревьев. Аскорцы же пресытились всеми дарами природы и не обращают на это внимания. Каждый раз шагать без всякого страха, встречая ногой в сгнившую линкуру или граван – обыкновенное дело. Холодная, ближе к северному климату, температура, не позволяла Шелам растить такие теплолюбивые фрукты. Они вынуждены давиться злаковыми культурами, клombой и изредка употреблять зелёные овощи, такие как титра и листья капусты. Рацион жителей точно определял их темперамент и характер: воспитанность, образованность, утонченность, добродушие, сострадание. Этот список качеств можно было продолжать очень долго. Но главным из них было неукоснительное соблюдение указов. Источником права в Нильшерте были древние рукописные тексты, оставленные первыми предками, которые обосновались и развились на данной территории. Их называют отцами Нильшерта, а их исторический памятник, предание отцов – единственный действующий закон, содержащий в себе нормы о территории, власти, войне и мире, семье и многом другом. Все правила носили казуальный характер, то есть применялись к конкретному случаю или событию. К примеру, в одном из них была запись о конокрадстве, которая звучала так: если кто украдёт лошадь соседа своего, то заплатить он должен 10 никелей и вернуть лошадь хозяину. Естественно, не любая кража подпадала под эту схему, но и для того, чтобы привлечь нарушителя к ответственности необходимо доказать вину, что делалось очень простым образом. Если трое честных людей укажут на одного и того же человека, что тот вор, то вся община должна принять это как истину. *"Ибо если трое добродетелей говорят, что человек вор, он таков и есть"*. Система наказаний включала в себя множество вариантов от повешения до отрубания конечностей, истязаний кнутом. Однако каждый мог доказать свою

невиновность путём прохождения испытания – каром бааг. Каром бааг подразумевал исполнение почти невозможного задания на выбор добродетелей. Изошренность же жителей в этом плане торжествовала как никогда. Народу нравятся зрелища, и чем труднее испытание, тем интереснее на него смотреть. Выплыть со дна реки с чугуном, привязанным к ноге, пройти через огонь, не получив ни одного ожога, спрыгнуть с высоты без повреждений. Считалось что, если человек не виновен, тогда сам Бог поможет ему остаться целым и невредимым. Порой абсурдность этих верований доходила до предела. Но это были обычаи и устои этого общества. И так они жили.

Пролог

Он яростно разрезал перед собой колющие цветы, чтобы скорее выйти из чащи и обратиться к озеру. Растения словно хотели полакомиться его плотью, желали разорвать незнакомца на кусочки и попробовать на вкус. Зловещее шипение партанары врезалось в слух, и заставляло двигаться быстрее. Рука, не уставая вращала вокруг клинком. Он знал, что делает. Холодный взгляд пронзал до глубины души и кричал о том, что у него нет сердца. Нет сомнений, нет чувств, нет страха. Он ступил твёрдой ногой на мокрый песок и вышел из зелёного плена. Путник обернулся и увидел, что тропа, которую он прорубил, проросла за считанные секунды. Он сбросил своё оружие и побежал к водоёму утолить двухдневную жажду. Мужчина хищно хлестал воду и закидывал её в раскрытый рот. Посреди огромного озера, простирающегося на многие километры, начали выходить пузыри, что не сильно его удивило. О бурлящей лагуне он узнал, когда ещё был мальчишкой, хоть так и не разгадал его тайну. Скиталец ополоснул лицо и встал, окидывая взглядом окрестности. Позади него послышалось неровное сопение. Он медленно развернулся, и его голова оказалась в нескольких сантиметрах от огромной пасти гарталлы. Она открыла её и проревела на всю бездну, после чего он почувствовал невыносимый рвотный запах её внутренностей и гниющих жёлтых зубов. Размером они были с ножи, отставая от них лишь по остроте. Он даже заметил между ними остатки лазура, которого она съела ещё неделю назад. Слюна болталась с её верхней массивной челюсти и касалась его лба. Морщинистая каменистая кожа немного свисала с его водянистых глаз, чуть их перекрывая. Пара передних рук была с тремя потрескавшимися когтями, вкопанными в мягкую землю. Прожилки и крепкие мышцы торчали из-под кожи от иссушения. Две пары ноздрей по одной под каждым оком, извергали голодное дыхание. Странник бросил взор на свой клинок и тварь нависла бездонным ртом над ним, чтобы поглотить целиком.

Глава 1. Царство Нильшерта

Долгожданное чудо

Царь Сотар был обеспокоен отсутствием у него наследников. Царевна его была бесплодна, но он настолько её любил, что разделять ложе с другой женщиной ему представлялось чем-то невыносимым и отвратительным. Каждый день он просил Господа излить на него свою благодать и подарить ему сына, но тот словно игнорировал всякую мольбу. Одержимый своей мечтой Сотар не отступал. Утром, когда солнце ещё не восходило, он вставал, выходил из крепости и отправлялся в густую чащу, чтобы обратиться к нему в смиренности и жертве. Стоя по несколько часов на коленях в прошении и молитве, он возвращался изнуренный и опечаленный в свои чертоги. Жена его разделяла горе вместе с ним, но вера её была слаба и с каждым днём она теряла всякую надежду в обретении ребенка.

Через три года случилось невероятное чудо, которого уже перестали все ждать – Грендель забеременела. Сотар узнав об этом, ликовал так, что подарил всем своим подданным по двести никелей серебра и закатил пир на весь Нильшерт. Каждый житель радовался вместе со своим царём в этот знаменательный день. Вино лилось рекой, а столы ломились от угощений и диковинной пищи. Сотар дал обещание, если у него родится сын, то он, когда наследник повзрослеет и достигнет возраста, когда сможет принять престол, будет служить ему и отречётся от своих царских привилегий.

Девять месяцев были для царя томным ожиданием, в течение которого он не переставал искать лица Бога. Грендель же была обеспокоена будущим ребенка. Что если родится дочь? Как отреагирует её супруг? И примет ли её после всего, что случилось? Но несмотря на это, имела тепло на душе от того, что носит своё собственное дитя под сердцем. Дни напролёт она проводила в крепости, периодически прогуливаясь по царским зелёным садам. Но вот в один прекрасный день, когда она, сидя на качелях, вдыхала свежий воздух в сопровождении прислуги, то пришло ей время родить. В это время царь был на битве и защищал свои земли от посягательств. Роды были тяжёлыми, царевна потеряла много сил, но не могла успокоиться до тех пор, пока не узнает пол ребенка. Это был мальчик. Грендель взяла его на руки, и вся боль словно исчезла по волшебству. И нарекла ему имя Кенваль, что значит рождённый править. Сотар же, по прошествии нескольких месяцев, возвратился домой и увидел сына своего и возрадовался великою радостью и возблагодарил Бога за то, что он даровал ему наследника. И рос Кенваль в мудрости, терпении, любви и кротости своих родителей, и преуспевал в образовании. И с каждым годом становился все более прекрасным и достойным юношей, не утрачивая чести своего рода.

И дождь идёт, когда сияет солнце

Время близилось к ночи. На улице осенний ветер расшатывал ветви деревьев, от чего листва на них дребезжала и издавала звуки, которые сливаясь, создавали шум моря. Беззвездный небосвод веял тихой грустью. Кенваль стоял босиком на огромной каменной лоджии. Он тянулся вверх, отрывая пятки, чтобы посмотреть на то, что творится внизу. Голова лишь немного торчала из-за ограды, и поэтому он мог видеть только дальнюю часть леса и высокую гору. Он положил руки на стену и оперся на них, чтобы взобраться и сесть на неё.

– Кенваль! – окликнула его мать.

Мальчик тут же спрыгнул и развернулся. Сердитая Грендель стояла и смотрела на него прожигающим взглядом. Её руки были упёрты в бока, а левая нога немного выдвинута вперёд, она уже была готова бежать и спасти сына в случае опасности. Кенваль сделал виноватое лицо и молчал.

– Сколько раз повторять, не лезь туда?! Ты же можешь свалиться.

– Прости... – простонал мальчик.

– Давай бегом в постель, – скомандовал мать.

Шлепая голыми стопами по мрамору, он добежал до кровати, сдёрнул одеяло и залез под него. Грендель села рядом. Она начала гладить сына по бугоркам лба, поправляя его темные густые волосы.

– Мам, – робко произнёс Кенваль.

– Да, милый.

– Ты расскажешь мне страшилку?

– Не слишком ли ты большой для неё? – улыбаясь, произнесла мать.

– Разве страшные истории для маленьких?

– Ну, хорошо. Подловил. Тогда слушай. Давным-давно, во времена старейшин, пятеро братьев искали в пещерах скалы Атис нечто сокровенное. Было то золото или драгоценные камни – никто не знал. С утра до вечера они раскалывали одну горную породу за другой в надежде найти это. Пришло время, когда один из братьев сказал, что устал заниматься бесполезной работой и бросил остальных, собрал вещи и ушел на север. Остались они вчетвером обессиленно дробить камни. Прошло ещё несколько недель, и один из братьев сказал, что здесь ничего нет и нет смысла продолжать работу. Он собрал вещи и ушел на юг. Остались братья втроем. Все тяжелее и тяжелее работалось им в меньшинстве. По прошествии некоторого времени, третий брат бросил своё орудие труда и выпрямившись, сказал: «Устал я работать и нет больше смысла мне находиться здесь, мы так ничего и не нашли». Сложив пожитки, он собрался и пошёл на восток. Остались они только вдвоем. У них была мечта найти что-то невероятное, что-то, что даст им богатство и власть. Трудились они не покладая рук день и ночь, в стремлении достичь непостижимое. В конце концов, четвертый брат не выдержал и собрав вещи, отправился на запад. Он любил младшего брата, но не мог больше заниматься этой безумной затеей. Последний брат не отступал от своей цели, все ладони были в рубцах и окровавлены, ноги не отдыхали уже несколько дней, и он совсем забыл, что такое сон. Но глаза его горели. Горели мечтой, горели идеей. И он продолжал колотить камни. Он крошил, крошил, крошил... И наконец, упал от бессилия и умер от изнеможения.

– Это же не вся история? – спросил с надеждой в глазах Кенваль.

– Ты же знаешь, что нет. После того как он испустил дух, гора треснула и появилась огромная расщелина длиной в несколько метров. Из этой расщелины веяло холодом и мраком. Черная бездонная впадина. Через несколько дней последнего брата нашли и похоронили. А расщелина так и осталась. Рассказывают, что по ночам оттуда издаётся невыносимый рёв и

другие истошающие звуки. Никто не верит в эти сказки, однако всё обходят эту расщелину за несколько метров. И называют её чернильная течь.

– А что там, мама? В той расщелине?

– Никто не знает. Возможно, ужасное и страшное чудовище. А может обыкновенная пропасть, которая образовалась в результате движения горных хребтов. Но одно известно точно – те, кто туда попадал, никогда не возвращался.

В тринадцатый раз эта история была для Кенваля ничуть не хуже, чем в первый. Он всегда слушал рассказ о чернильной течи с раскрытым ртом и испуганными глазами. Что там на дне? И есть ли дно? Где эта расщелина? И почему все её так боятся?

– Ну, всё, давай спать.

Царевна ласково поцеловала сына в слегка припухлую щеку и пошла в свои покои. А Кенваль ещё долго не мог уснуть, воображая сказанную историю у себя в голове. Тайнственное всегда одновременно пугает и влечет. Не даёт спокойно жить, изводит, сжирает изнутри, заставляет постоянно о себе думать.

Тёмная ночь как покрывало окутала всё кругом, извещая о времени сновидений. Усталость украдкой подобралась к Кенвалю, который сладко зевая, сомкнул глаза и забылся глубоким сном.

Как только первые лучи солнца поднимались над Нильшертом, Кенваль уже стоял на ногах. Он сам, без помощи прислуги, одевал свой тёмно-синий кафтан, сшитыми драгоценными камнями и до блеска вычищенные гладкие туфли из кожи латмира. Коротая время, пока все проснутся, он бродил по огромному дворцу разглядывая картины, которые висели на каменных стенах, или выкованные в кузнице крепости орудия: двуручные мечи, кинжалы, алебарды. Эстетика войны серьёзно привлекала его внимание. Он постоянно представлял, как вырастет и будет участвовать в огромных баталиях, всегда оставаясь победителем. Кенваль остановился около меча своего деда и пристально всматривался в него. На широкой рукояти была выпаяна надпись, которую молодой наследник никак не мог прочесть. Он повернул голову параллельно ей, но это ему не помогло. Его внимание перекинулось на лезвие, которое как зеркало отражало в себе предметы материального мира. Длинное, гладкое, переливающееся. Он поднял правую руку и дотронулся подушечкой указательного пальца острия. Лёгкое касание не спасло его от участи – небольшой порез начал кровоточить. "Настолько острое...", – подумал Кенваль.

– Не стоит этого повторять, – раздался голос позади него.

Кенваль обернулся и увидел перед собой Гальдемара – своего учителя. Старичок уже преклонного возраста, с длинными волосами, и широким лбом. Он без осуждения и эмоций смотрел на своего ученика, сведя руки за спиной.

– Я хотел только проверить.

– Знаешь, чей это меч? – спросил Гальдемар.

Мальчик молчаливо вертел головой. Учитель подошёл поближе и немного наклонился, вглядываясь в артефакт.

– Царя Фейлона. Твоего дедушки.

Кенваль продолжал слушать рассказ, не перебивая.

– Говорят, что раньше земли Нильшерта простирались до самого Версаха и Аскории. Во время своего правления Фейлон был одержим идеей большого государства и верно следовал своей цели. Он захватывал один клочок земли за другим, пока половина Дейлекронта не было под его владением. Но с его смертью ушли и его стремления. Нильшерг ослабел, а потом и вовсе стал крестьянскими землями, полными земледельцев, но не имеющих воинов.

– Но почему? – с круглыми от удивления глазами спросил Кенваль. – Разве отец не хочет править всеми?

– Со временем люди поняли, что война губит не только проигравших, но и победителей. Она приносит вред всему человечеству. Но похоже, это дошло только до жителей Нильшерта...

– Но мы же даём отпор тем, кто пытается захватить наши земли?

– Несомненно, но сколько мы так продержимся? Постоянно отражая атаки врага, мы истощаемся как государство, как общество. Для того чтобы развиваться, необходимо бросить все силы на поднятие культуры. Но войны этого не позволяют.

– Что же делать? – вновь озадаченно простонал Кенваль.

– Когда я найду ответ, я тебе обязательно сообщу. А пока нам нужно заниматься твоим образованием.

Гальдемар взял своего ученика за руку и отвёл в обучающую комнату. Кенвалю легко давались все дисциплины. Он хорошо считал, причём делал он это исключительно в уме. Никакая бумага не нужна ему была для получения ответов. Однажды он посчитал площадь всех земель дворца, ещё один раз количество окон крепости. Каллиграфия была, наверное единственным, в чём он постоянно испытывал неудачи. Буквы он прописывал с трудом, неровные, разных размеров. Они все словно плясали на просторах страниц, что очень забавляло Гальдемара. Сам же Кенваль был постоянно зол оттого, что не может преуспеть во всём сразу. Желание показать себя, всегда было его ахиллесовой пятой.

Кенваль резко двигал кистью по бумаге перед собой и пытался рисовать буквы. Гальдемар заметил игривость и импульсивность своего ученика.

– Твоя рука, – произнёс Гальдемар.

Мальчик оторвал взгляд от тетради и посмотрел на учителя.

– Ты делаешь слишком неаккуратные и резкие движения. Нужно их чувствовать и округлять. Перо очень лёгкое, а по листу всё скользит. Управляй порывами, где нужно давай им волю, а где необходимо ограничивай себя и удерживай их.

Выслушав совет, Кенваль вновь приступил к письму. Но ничего не изменилось. Чернила всё также летали из стороны в сторону. Мальчик огорчённо положил перо на стол и опустил голову.

– Ничего. С первого раза ни у кого не получается. Главное постоянно практиковаться и стараться.

Терпение Гальдемара всегда поражало молодого царя. Он восхищался своим учителем и каждое мгновение, проведённое с ним, доставляло ему удовольствие. Добрый прищуривший взгляд, густая расчёсанная борода, морщинистый лоб – он был ему словно родной.

– Ну, ладно. Думаю, ты хорошо сегодня позанимался. Можешь идти гулять.

Кенваль встал из-за старого деревянного стола, положил руки на колени и слегка поклонился. Гальдемар улыбнулся, после чего мальчик вышел из комнаты. Кенваль вприпрыжку шел по дворцовым закоулкам на улицу поиграть в бацкак с другими ребятами. Ему нравилось общение со сверстниками и среди них, он чувствовал себя обычным мальчиком, несмотря на все привилегии и регалии. Для Кенваля царствование было чем-то вроде большого вызова, который он должен принять, когда повзрослеет. Его готовили к этому знаменательному дню, не жалея сил и времени, потому что понимали – государству нужен сильный и знающий правитель. Он выбежал из боковой двери длинной каменной арки и повернул в сторону веранды, рядом с которой играли и веселились дети. Кенваль уже сделал пару шагов вперёд, как позади него раздался голос:

– Далеко собрался?

Он неторопливо развернулся, жалостливо отводя взгляд от издающих смех друзей.

– Я хотел немного поиграть.

– Потом поиграешь, – твердо произнёс отец. – Сейчас поупражняемся с мечом.

Кенваль тяжело выдохнул и с опущенной головой, без особого желания начал двигаться к Сотару.

– Возьми, – сказал отец и протянул ему оружие.

Кенваль крепко схватился кистями за рукоять и поднял меч вверх. Острое лезвие чуть касалось его мочки уха. Он был готов к сражению.

– Нападай, – произнёс Сотар.

Мальчик замахнулся оружием снизу и рассекая воздух, встретился с клинком своего противника, который легко отразил предсказуемую атаку. После он вновь поднял меч и повернув его горизонтально, приложил все силы на удар. Сотар держал клинок перед собой, а после опустил лезвие вниз. От силы столкновения металлов полетели искры. Отец прикоснулся ладонью к кончику клинка и откинул сына назад. Он не удержался на ногах и упал. Его победили, снова. Сотар опустил оружие и подошёл к сыну, чтобы протянуть руку. Кенваль схватился за неё и легко поднялся. Он отряхивался от песка и пыли, как вдруг подошёл один из царских приближенных – друг семьи Мидек.

– Что вы делаете? – спросил он Сотара.

– Обучаю сына.

– Вы помогли ему подняться? Что это за тренировка? Куда вы его готовите? Кем он вырастет, если так нежно к нему относиться?

– Помощь не есть проявлением слабости.

– Версахцы скоро будут у наших земель, а вы здесь играетесь. Нам нужны воины, а не танцоры. Думаете, они будут снисходительны к нам, также как вы к своему сыну?

– Мой сын мне не враг, – твердо ответил царь.

Мидек с отвращением посмотрел на маленького наследника и широкой походкой пошёл дальше. Кенваль поднял упавший меч и молча наблюдал за отцом. Он считал, что не оправдывает ожидания Сотара.

– Я не смогу пройти посвящение, ведь так? – спросил Кенваль, с ноткой грусти в голосе.

– С чего ты взял?

– Я недостаточно сильный. Это испытание не для меня.

– Настоящая сила не в мускулах воина, а в его сердце. А такого сердца как у тебя нет ни у кого. Гельнея – всего лишь испытание, которое проходит, мужчина, желающий утвердить свой статус. Но ты выше этого, ты будущий царь Нильшерта, и тебя будет ждать множество трудностей. И их все ты будешь побеждать с высоко поднятой головой, потому что рождён править.

Сотар подошёл и положил тяжелую ладонь на хрупкое плечо Кенваля. Он боялся. Боялся, что эта ноша будет ему не по плечу. Но раз отец в него верит, то он и сам должен быть тверд в победе.

Мидек тихо прошёл в свои покои. Ярость и ненависть тревожили его душу. Он никак не хотел, чтобы это слабое существо стало царём. Сотар дал ему слишком много любви и внимания, он вырос избалованным, мягким до костей мальчишкой, неспособным к правлению в государстве. Мидек считал, что он и его наследник, гораздо лучшая кандидатура. Он подошёл к зеркалу и стал неторопливо расстёгивать одну золотую пуговицу за другой. В мыслях он постоянно твердил себе, что добьётся престола, во что бы то ни стало, иначе дни Нильшерта будут сочтены.

Кенваль уже изрядно утомился, вращая мечом. Сотар заметил подавленность ученика и решил на сегодня закончить обучение.

– Тебе нужно больше силовых упражнений, мышцы рук очень быстро устают. Нужно их укреплять.

– Всё дело в мече. Он тяжёлый.

– Не бывает тяжёлых клинков. Есть слабые руки.

"Но я же ещё маленький!", – твердил себе Кенваль. Он недовольно взглянул на отца и протянул оружие. Царь молча взял меч и сложил его в ножны. Давление, которое постоянно

на него оказывали, вызывало у него невероятную злость. Он ребенок, ему хочется бегать с друзьями по бескрайнему зелёному полю и вслушиваться в стрекотание сверчков. Залезать на большие старые деревья и озиаться вокруг. Хотя бы на некоторое время забыть о всех обязанностях, которые ему предстоит перенять, когда он станет правителем. Сотар не хотел отнимать детство у своего сына, но долг заставлял его обучать до тех пор, пока он не станет готов.

– Можешь идти, – сказал царь и махнул лёгкой рукой к веранде.

Кенваль осторожно повернул голову и увидел заливающихся смехом детей. Но ему показалось, что отец сказал это не всерьёз. Через несколько секунд его шея вернулась в исходное положение, и он беспокойно взглянул на своего учителя.

– А можно? – робко произнёс он.

– Я же сказал.

Сотар немного недоумевал от пугливости своего сына. Он же не держит его в клетке или на привязи. Но мальчик всё равно побаивался отца и воспринимал его добрые жесты с опаской. Кенваль всё ещё не верил, что отец разрешил ему поиграть, но когда царь улыбнулся, то его глаза засверкали, и он в миг, добежал короткими прыжками до своих дворцовых братьев.

– Эй, Горацио, – кричал он на ходу, добегая до них.

Причудливым улыбкам его приятелей не было конца. Ещё один хороший игрок в бацкак им был только в радость. Сотар тихо наблюдал за их ребячествами, и пытался понять, правильно ли он поступает, решая судьбу своего сына за него. Может он вовсе и не хочет занять престол? Но к чему были тогда все старания и изнуряющие молитвы царя? Готов ли он пожертвовать счастьем своего сына, чтобы Нильшерп снова встал с колен? Что для него важнее быть отцом или правителем? Ответов на эти вопросы у Сотара пока не было, но он отчаянно пытался их найти.

– Ты сжульничал! – выкрикнул Горацио.

Кенваль продолжал прыгать, не обращая внимания на недовольство своего друга.

– Эй! Ты не прыгнул на третью метку! – вновь завопил он.

Кенваль остановился и ровным тоном произнес:

– Неправда, я задел каждую.

– Нет, мы все видели, ты пропустил одну. Ты специально это сделал.

– Зачем мне это?

– Хочешь выиграть. Ты всегда хочешь быть победителем.

– Я играл по правилам, и если вы не умеете проигрывать, то это ваши проблемы, – огрызнулся Кенваль.

– Думаешь, если ты сын царя, то тебе всё можно?

– Я такого не говорил.

– Иди отсюда, – сказал Горацио и пихнул его в плечо.

– Но я хотел поиграть, – огорчённо произнёс мальчик.

– Раньше надо было думать об этом, а не мухлевать.

Кенваль в недоумении стоял и с грустью смотрел на лица ребят вокруг. Что он сделал не так? Если он сын правителя, то теперь на нем клеймо? Даже играя по правилам, он всё равно остался виноватым. Нечестно. Несправедливо.

Обидчик не удержался и толкнул его снова. В этот раз он не пожалел сил, и Кенваль с болью схватился за место удара.

– Уходи!

Из маленьких глазенок начали наворачиваться слезы. Эта боль была другой. Но из-за неё также хотелось кричать во всё горло и громко рыдать. Она как обнаженный меч пронзает хрупкую человеческую душу. Отчуждённость, одиночество, непонимание, неприятие – они словно рубанком срезали кусочки с нежного сердца Кенваля.

Молодой царевич отчаянно сорвался с места и побежал. Травы под ногами сотрясались от его стремительных шагов, сбрасывая с себя утреннюю росу. Обувь начала сыреть от обильной влаги, и он уже скользил подошвой по водянистой зелени, периодически теряя равновесие. Перед ним оказалась густая чаща, в которую он мигом залетел, совершенно позабыв о том, что ему запрещено там находиться. Родители его десятки раз предупреждали об опасности этого места и старались уберечь своё дитя от несчастных случаев. Он с трудом начал пробираться через большие ветвистые деревья и многолетние колючие кустарники. Сколько бы он не пытался защититься от острых прутьев, они так и норовили проткнуть блестящие одежды мальчика, а порой и вовсе безжалостно впивались в плоть. Пока эмоциональность начала угасать, Кенваль оказался уже в самой гуще леса. Он на минуту остановился и стал озираться по сторонам. Чирикание птиц постепенно сменялось, различными постукиваниями на деревьях и трепетанием кустарников, в которых ползала разная живность. Глаза мальчика стали полны ужаса, он совершенно один в огромном лесу, в котором ни разу не был. Из-за того, что Кенваль оборачивался по мере того, как осматривался вокруг, он не мог вспомнить, откуда пришёл. "Что же делать?", – промелькнул вопрос в голове у царевича. Он начал медленно двигаться вперёд в том направлении, на котором стоял. Под ногами была сухая, но мягкая почва. Ступая по ней, нога Кенваля немного проседала и оставляла характерный отпечаток от подошвы обуви. Иногда он шел через ухабистую местность, полную разноцветных грибов, которые прятались в толще пожелтевшей листвы. Со временем лес редел, и деревьев с каждым пройденным метром становилось меньше. Он вышел на небольшую травянистую поляну и увидел перед собой высокую гору. Кенваль задрал голову, чтобы найти её вершину, но её закрывали похожие на снежные сугробы облака. Он уже совсем позабыл о том, что хотел найти дорогу домой. Ноги сами несли его к огромной каменной глыбе. В этом месте совсем не было слышно ветра. Обычно он носится по всем уголкам Нильшерта, заставляя жителей теплее одеваться и постоянно держать голову опущенной при ходьбе. А здесь – ничего. Ни единого дуновения. Кенваль дошёл до глубокой пещеры, которая была словно ножницами вырезана в скале, а ровные острые края входа как будто были специально выточены. Когда мальчик встал перед проёмом, то сразу же почувствовал необъяснимый холод, от которого он вздрогнул. Однако, желание войти в эту неизведанную пропасть только усилилось. Его что-то манило. Кенваль сделал шаг и стоял одной ногой в тени. Мгновение спустя вторая нога потянулась к сумраку и оказалась на тёмной стороне. Холодная капля воды упала на кончик носа, остатки которой начали скатываться по лицу вниз. Мальчик от испуга зажмурил глаза. Когда он их открыл, то не почувствовал никакой разницы – перед ним располагалась густая мгла, в которой он замечал лишь смутные очертания предметов и рельефа. Кенваль прошёл немного дальше. Его шаги были крайне медленными и аккуратными из-за того, что он боялся споткнуться. Вытянув длинную костлявую руку перед собой, он пытался нащупать стоящую на его пути каменную стену. Но Кенваль ощущал лишь неопределенность. Он сделал очередной шаг и уже начал ставить ногу, как понял, что под ней нет земли. Он неподвижно стоял с немного поднятым коленом, а после вновь стал медленно опускать стопу. Пустота. Кенваль судорожно отошёл назад и присел. Ладонями он начал водить по земле перед собой и в его мягкую кожу врезалось множество мелких камней. Он опасался наткнуться на что-то ужасное и страшное, но ничего кроме каменной породы ему не попадалось. Его правая рука вдруг оказалась в невесомости. Это была какая-то огромная дыра. Кенваль лёг на живот. Он касался подушечками пальцев её краёв и неторопливо шёл вниз по гладкому сколу. Его сердце трепетало. Но он ничего не мог с собой поделать, ему хотелось понять, что это такое. Лево́й рукой он схватился за небольшой камень и выкинул его в эту пропасть. Мальчик всё ждал, когда же он ударится о дно. Десять секунд, пятнадцать, двадцать... Он не слышал стука. "Может я его пропустил?", – подумал царевич и вновь взялся за гальку. Только он захотел бросить её, то услышал протяжный скрипящий рык, исходивший из расщелины. Он за считанные секунды вскочил с места и начал в страхе бежать к выходу. Его

ноги словно не слушались и потеряли всякую силу. В глазах был виден только солнечный свет, который играл лучами в начале пещеры. Тяжёлое и быстрое дыхание не давало мыслить здраво и бежать медленнее, чтобы не упасть. Он сделал последний рывок и оказался в объятьях отца.

– Папа! – вскричал мальчик и начал громко плакать.

– Кенваль, что случилось? – спросил Сотар и начал ласково прижимать его к своей груди. – Зачем ты убежал? Знаешь, как долго мы тебя искали?

– Я не хотел, – захлёбываясь слезами, еле произнёс Кенваль. – Это всё Горацио.

– Почему ты плачешь? Что ты увидел?

Мальчик успокоился, словно по щелчку.

– Ничего.

– У тебя же глаза бешеные... От чего ты так бежал?

Кенваль обернулся и с тревогой посмотрел в темноту. Сотар немного наклонил туловище в сторону и начал вглядываться в пещеру. Они безмолвно наблюдали за дрожащей тенью, пока царь отчаянно не произнёс:

– Не ходи туда больше, слышишь?

Кенваль явил понимание несколькими короткими кивками. Отец вновь крепко обнял сына, и они двинулись в сторону дворца.

Сотар уверенно шагал по истоптанной дорожке и волочил Кенваля за собой. Тот еле успевал перебирать ногами, чтобы не упасть. Он не должен был узнать об этом так рано. Детская страшилка на ночь – это одно, но увидеть всё собственными глазами – совершенное другое. Царь словно обезумел и, устремив свой взор вперёд, с треском сухих ветвей проходил через непроглядные лесные массивы.

– Папа, не так быстро, – стонал мальчик, не успевая за своим отцом.

Кенваль жмурился от боли в запястье, которое было сильно сжато каменной рукой отца. В конце концов, мальчик не выдержал и начал вырываться из мёртвой хватки сопровождающего. Сотар резко остановился и обратился к сыну:

– Что ты делаешь?

– Ты делаешь мне больно, – ответил Кенваль и достал кисть, когда тот ослабил мышцы рук.

– Что ты там видел?

Мальчик с недоумением посмотрел на своего отца.

– От чего ты так бежал? – вновь задал вопрос Сотар.

– Я ничего не видел, там было слишком темно.

– Чего ты тогда испугался?

– Я услышал грозный рык.

– Услышал рык? – переспросил царь.

– Да... Я этого не ожидал, и он был таким страшным, что я начал бездумно убегать из этого места.

– Ты стоял рядом с ней?

– С кем?

– С расщелиной.

– Да, я расположился прямо у неё. Я сначала не понял, что это, но потом...

– Никогда, слышишь, никогда туда не возвращайся, – прервал его дрожащим голосом отец.

"Он же уже говорил мне об этом. Зачем мне напоминать через такой короткий период?", – подумал Кенваль. Он снова безмолвно покачал головой, но в этот раз такой ответ не удовлетворил царя.

– Нет. Скажи это словами, – настаивал отец.

– Я больше никогда туда не вернусь.

Сотар пришёл немного в себя, однако мысли о том, что его сын мог попросту погибнуть, не отпускали его.

В полной тишине они дошли до крепости.

– Боже мой, – в слезах произнесла мать и побежала к сыну.

Все приближенные стояли рядом и недоумевали от того, что происходит. Мальчика не было всего несколько часов, а они уже сошли с ума. Для Мидека образ Кенваля был особенно отвратителен. Он был бы счастлив, если бы царевич и вправду провалился в трещину. Грендель схватилась за его затылок и обняла так, что у него чуть не начали хрустеть ребра.

– Мам, мне же тяжело дышать, – хрипя, еле выдавил Кенваль.

– Может довольно сентиментальностей? У нас общий совет Сотар.

Царь с тоской окинул взглядом своё дитя и отправился вместе с придворными в крепость. На зелёной лужайке оставались лишь мать с сыном.

– Ты в порядке?

– Да, всё хорошо, – смело ответил Кенваль.

– Почему ты убежал в лес? Ты же знаешь правила.

– Горацио вывел меня из себя. Я разозлился и расстроился одновременно. Я просто бежал вперёд. А когда успокоился, понял, что уже залез глубоко в чашу.

– Ты будущий царь Кенваль. Никогда не давай эмоциям взять над тобой верх. Ты должен принимать решения, отбросив все чувства.

– Но как? Они постоянно одолевают меня. Я не знаю, куда от них деться. Я постоянно злюсь, что папа давит на меня с престолом, расстраиваюсь, что не могу жить как остальные дети, и боюсь, что так и не оправдаю ваших надежд...

– О, Кенваль, – выдохнула мать и начала тереть его густые темные волосы на голове, – ты наша плоть и кровь. Мы будем любить тебя несмотря ни на что.

Глаза мальчика стали блестящими от слез, и он кинулся с объятьями на шею опустившейся матери. Все одежды молодого царя были пыльными и малость сыроватыми.

– Пойди переоденься и иди в трапезную, – сказала Грендель, когда отлепилась от сына.

Кенваль смиренно посмотрел на мать и пошёл в свои покои. Он отвёл взгляд в сторону и увидел радостного Горацио, который всё ещё играл в бацкак со всеми остальными. Его интерес к этой игре пропал вместе с дружеским отношением к ребятам. Если они хотят снова с ним общаться, то должны извиниться за то, что так поступили. В поступках Кенваля не было вины, и он это прекрасно понимал. Он же наследник царя, в конце концов. Мальчик дошёл до крепости и начал со скрипом тянуть на себя громадную дверь.

Сотар величаво сел на трон. Царские атрибуты он редко одевал, а если быть точнее только при аудиенциях с гонцами и послами других стран. Остальные власть имущие расположились вокруг деревянного продолговатого стола, который блестел от лакировки. Престол находился выше стола, чтобы никто не забывал, кто здесь единственный правитель.

– Нужно решить вопрос с Версахом, – начал Сотар, – они подняли сбор дани.

– Немыслимая наглость, – вскричал Мидек, – Мы, итак, платили почти одну четвертую от всего производства. Ну, и насколько они подняли в этот раз?

– До одной третьей.

Царь старался не смотреть на возмущенные лица соратников. Ему не нравилась вся эта ситуация, а наблюдать за недовольством приближенных лиц ему хотелось меньше всего. Его голова была повернута в сторону полуоткрытого окна, сквозь которое можно было наблюдать за коралловым закатом.

– Я предлагаю отказаться, – вновь вскрикнул Мидек, – это непозволительно. Наш народ, итак живёт, сводя концы с концами и если мы пойдём на это, то они начнут голодать!

– Что ты предлагаешь?

– Пойти войной.

Все старцы разом посмотрели на своего молодого и импульсивного коллегу.

– Это крайняя мера, – высказался Аскольд, сидящий на противоположной части стола от Мидека.

– Крайняя? А разве положение наше не крайнее? Сколько мы так можем терпеть? Год? Два? А что потом? Я скажу, что будет потом: они всё равно захватят нас и наши земли. Не взирая, на все наши попытки предотвратить эту войну, мы всё равно окажемся в неё втянутыми. Помяните моё слово.

– Мы к ней не готовы, Мидек, – озвучил царь.

– А потом будем, когда полностью истощатся наши ресурсы и народ?

– Если мы сейчас начнём военный конфликт, то погибнем навсегда.

– Мы, итак, уже мертвы. Разве это жизнь, находиться в рабстве? – возмущённо произнёс Мидек.

– Решение будет принято посредством голосования всех участников государственного совета. Те, кто считает наиболее разумным уступить Версаху ещё часть продовольствия, то поднимите руки.

Все как один, помимо Мидека вытянули вверх ладони. Они понимали, что это решение более приемлемое. Но, конечно, не обходилось без авторитета главы государства. Его слушали, его уважали, а иногда даже боялись.

Мидек был бессилён. Его положение не позволяло решать за весь Нильшерт. Но если бы он заполучил как-то место царя, то всё бы сразу стало на свои места. Уже никто бы не смог попирать его мнение, потому что он был бы олицетворением власти. Мидек недовольно сел за стол и презрительно оглядывался вокруг себя.

– Перейдём к остальной части вопросов. Что с урожаем? – продолжил Сотар.

– Упал по сравнению с предыдущим годом, – отметил Лукар.

– Что случилось?

– А я вам расскажу, что случилось! – ворвался в разговор Мидек. Он яростно тыкал указательным пальцем по столу. – Большинство посевов смыло. А вы хотите отдать оставшееся этим варварам!

– Решение уже принято и, если ты продолжишь буйствовать, то тебе придётся покинуть шел.

– Здесь не осталось ни единого здравомыслящего человека... Похоже, что я действительно лишний среди вас.

После этих слов он показательно встал с места и гордыми размеренными шагами вышел из зала. "Так не может больше продолжаться. Необходимо свергнуть этот род с престола любым способом. Но как заставить царя отречься от него? Сотар уже немолод, ему осталось недолго. Вся проблема в Кенвале... Он такой же бесхарактерный, как и отец. Нельзя, чтобы он имел даже возможность прикоснуться к трону. А когда Сотар уйдёт в мир иной, то я приберу власть к рукам, и мой род станет новой правящей династией, с наступлением которой Нильшерт вновь воспрянет и расправит крылья", – размышлял Мидек по направлению в свои покои. Он видел цель, но не знал, как её претворить в жизнь. Ему не доставало того, через что можно было бы это всё осуществить. Мысль об этом настолько сильно его волновала, что стала его наваждением. Она засела у него в голове и не давала покоя.

Кенваль сидел за столом и жадно запихивал себе в рот всё изобилие пищи, которое на нем располагалось. Фаршированные рисом миландри, обжаренная с хрустящей корочкой фасоль, посыпанная ароматными южными травами и небесного вкуса сладкий вишневым пирог. Блаженство от смакования подобной еды мог позволить себе далеко не каждый. Другие дети только мечтали о таком. "Все-таки быть сыном царя не так уж и плохо", – размышлял он, пока наслаждался пищей. Обычно ужин проходит в семейном кругу, за большим столом и непринуждён-

ными лёгкими разговорами. Но сегодня всё пошло не по плану. Кенваль заставил всех волноваться своим исчезновением, поэтому мать и отец и думать не могли о еде. А когда он нашёлся, то было не до этого. Сотар отправился на общий совет, а Грендель занималась срочными дворовыми делами. Кенваль сделал последний глоток фруктового сока и прыгнул с высокого деревянного стула, тем самым подав всей прислуге знак о том, что закончил кушать.

Туфли маленького царя звенели каждый раз, когда он шагал по пустынному дворцу. Этот звук эхом уходил по всей крепости, задевая её каждый уголок. "Куда все подевались?", – размышлял Кенваль и двигался в комнату игр. Это единственно место, где он мог уединиться и побыть тем, кем он является. Место, в котором он может делать то, что хочет, а не то, что велят другие. В нём он словно обретал самого себя. Он так забылся в предвкушении предстоящих сладостных часов, что только беззаботно смотрел вперёд. Нога скользнула по мокрому мраморному полу, и Кенваль упал на спину. "Ау!", – простонал мальчик от боли. К нему тут же подбежала маленькая девочка со шваброй и помогла встать, поддерживая его за локоть.

– Простите, это моя вина, я должна была предупредить вас, что мою полы, – произнесла она с опущенной головой.

Кенваль долго на неё смотрел. Он был удивлен. Почему эта маленькая девочка работает? Зачем она извиняется за свой проделанный труд? И почему она обращается к нему на "вы", они же примерно одного возраста? Милые кудрявые локоны, свисали по бокам головы и прикрывали уши. Маленькие пальцы кое-как обхватывали деревянную рукоять. Она видела в мальчике олицетворение власти и поэтому уважала и боялась его одновременно.

Её мать одна из харонов – царской прислуги, то и делала, что рассказывала истории о жестокости правителей.

– Как тебя зовут?

– Элара, – робко произнесла девочка, не поднимая взгляда.

– Не хочешь пойти со мной играть?

Она медленно выпрямила голову и увидела перед собой самого обыкновенного мальчишку. Может на нём и была царская одежда, но ребяческую страсть к играм у него никто не отбирал. Тёплый дружеский взгляд, говорил о том, что это никакая не злая шутка и он готов с распростёртыми объятьями принять её в свою компанию.

– А можно? – вновь с опаской произнесла Элара.

– Конечно! – вскричал Кенваль.

Он выхватил швабру и опер об ближайшую стену. Мальчик взялся за её хрупкое запястье, и они вприпрыжку передвигались по царской постройке. На лице Элара появилась озорная улыбка. У неё было не так много друзей. Точнее сказать их вообще не было. Семья – единственное её окружение. И поэтому предложение провести время с кем-то помимо родственников было для неё в радость. А если учесть тот факт, что это царский ребенок, с кучей игрушек, то она и вовсе находилась на седьмом небе от счастья.

Тяжёлая дверь с противным скрипом отворилась, и в комнату вошёл Кенваль. Элара пугливо шла за ним по пятам. Она боялась, что их увидят и её накажут за то, что она оставила полы недомытыми.

– Это мои воины, – проговаривал Кенваль, поглаживая каждую деревянную фигурку по голове. – Это копьеносец, этот с луком, а у этого два больших топора.

Элара подошла к полке и внимательно рассматривала нарисованные краской лица.

– Можешь взять в руки.

Она трепетно потянулась ладонью до игрушки и коснулась. После чего резко отдернула её назад.

– Не бойся, это мои игрушки, я разрешаю.

Элара вновь достала рукой до фигурки и схватила её. Руки и ноги двигались вперед-назад. А голова имела возможность совершить круговой оборот. На некоторых частях деревянной куклы были оторваны небольшие кусочки и имелись заусенцы. Не слишком тонкая работа. Но Кенваль не был ценителем искусства, для него было важно, чтобы его воины могли держать оружие и участвовать в кровопролитных сражениях. Наблюдая за тем, как она перебирает руками части воина, сердце Кенваля наполнилось необъяснимой теплотой. Её ловкие пальчики шустро извивались вокруг игрушки. Она что-то почувствовала и подняла взгляд на мальчика. Он не отрывал от неё глаз. Ему было чрезвычайно интересно смотреть за её движениями. Элара застенчиво повернула голову и поставила бойца на место. Кенваль пришёл в себя.

– Ещё есть фигурки лошадок, – продолжил он демонстрировать свои владения.

Он двинулся к смежной стене и взялся за одну из них. Животные были выкованы из сплава версахской занны и залежей фетора в северной части Нильшперта. По весу они в несколько раз превосходили деревянные скульптуры. Элара робко подошла и схватилась за одну из них. Не ожидая, что лошадь окажется настолько тяжёлой – она вывалилась из её руки и с металлическим звоном упала на пол.

– Простите, я не хотела – взволнованно отскочила и взволнованно произнесла.

– Пустяки. Они всё равно железные, им ничего не будет. И не нужно обращаться со мной как со старшими, мы же одного возраста.

После этих слов Кенваль поднял игрушку и поставил на место. Виноватое лицо Элары, говорило о том, что она не может больше находиться здесь. Она чувствовала себя очень неловко.

– Я, наверное, лучше пойду.

– Куда? Мы же только пришли. Я не показал тебе свою крепость, – произнёс он и указал ладонью на неё.

Кенваль не хотел её отпускать. Что-то внутри него желало, чтобы она осталась. Но Элара начала многократно извиняться и пятиться к двери.

– Постой, куда же ты?!

Как только она оказалась на пороге, то развернулась и умчалась назад на своё место. Она уже тогда понимала, что эта дружба ни к чему хорошему не приведет. Царь и простая служанка. Слишком разные. Слишком другие.

Кенваль с растерянным видом стоял и смотрел на открытую дверь. Будто весь смысл жизни сейчас проскочил через неё. Он хотел её догнать, но потом понял, что раз она убежала, то не хотела здесь оставаться. Не заставляя же её силой играть.

Это был один из самых скучных вечеров в недолгой жизни Кенваля. Он безрадостно сидел за столом и крутил конечности воинов. Всё настроение улетучилось, и желание играть пропало. "Дурацкий день", – сказал он и с размахом швырнул безделушку об стену. Она с треском развалилась на кусочки. Мать стояла в этот момент у порога и увидела удрученное состояние своего сына.

– Не стоит вымещать свою злость на предметах. Многие дети мечтают о том, чтобы у них были такие игрушки, а ты пренебрегаешь своим изобилием.

– Зачем они мне, если мне не с кем ими поделиться, – с грустью произнёс мальчик.

– Знаешь, дружбу часто переоценивают. – Грендель подошла и села рядом с Кенвалем. Он повернул голову в её сторону и стал внимательно слушать. – Люди непостоянны, эгоистичны, ненадёжны. По большей части ты разочаровываешься в них, и это приносит тебе очень много боли.

– Как же быть? Неужели мне всю жизнь быть одиноким?

– Всему своё время. Ты найдёшь человека, который будет ценить не только отношения с тобой, но и любить твое сердце.

Наставнический и в то же время ласковый голос матери воодушевил его. Он положил голову ей на плечо и обнял.

– Эх, Кенваль, почему эта тяжёлая ноша, выпала такому душевному мальчику как ты...

– Я справлюсь, мама, обещаю.

– Верю, сынок, верю.

Она нежно поцеловала макушку его головы. Кенваль закрыл глаза и начал засыпать на коленях Грендель.

– Пойдём я тебя уложу.

Она аккуратно подняла его и повела в спальню. Большая упругая кровать и мягкая подушка уже ждали своего постояльца. Грендель помогла снять с него верхнюю одежду и накрыла одеялом. Он сладко укутался в него и закрыл усталые глаза. Что бы, не произошло он всё равно останется её маленьким мальчиком. Грендель любила сына, любила всей своей сущностью и очень боялась, что когда-нибудь он отступится от своих принципов и станет посредственным политическим деятелем, коим его видят другие. Можно ли сохранить человечность, оставаясь у власти, когда на тебе лежит ответственность за тысячи людских жизней? Этот груз настолько тяжёлый, что ломает под собой даже самый волевой характер. Он превращает все человеческие чувства в камень и обращает в прах все проявления сострадания, милосердия, любви. Жалостливый взгляд матери застыл на спящем сыне. Её сердце с болью сжималось. Мысль о том, чтобы Кенваль родился девочкой, постоянно металась в её разуме. Тогда бы она могла с радостью наблюдать за взрослением своего ребенка, не опасаясь за его будущее. Но всё случилось так, как случилось. И теперь ей оставалось только молиться, чтобы Бог сопровождал и хранил его на всех путях. Грендель тихо встала с края постели и захлопнула за собой дверь.

К царевне подбежал харон и задыхаясь еле произнёс:

– Ваше величество... Там... Петория...

– Что случилось?

– Ей совсем плохо.

Она торопливо начала перебирать ногами. Длинное платье не давало ей делать большие шаги. Быстрые постукивания каблука скользили по всем коридорам. Одна из её самых близких слуг, была тяжело больна. Лучшие лекари пытались привести её в чувства, но тщетно. Её бросало то в жар, то в холод. По лбу стекали капли пота. Стоны не прекращались уже несколько часов. В лихорадочном состоянии она видела какие-то образы и говорила с ними. Маленькая девочка сидела на полу рядом с постелью и повторяла одно и то же:

– Мама, мама...

Но она не слышала её голоса. Бред полностью затмил разум, она растеряла остатки рассудка. Взбудораженная Грендель влетела в комнату и на её глаза начали наворачиваться слёзы. Это безнадежное состояние она встречала: её мать погибла в такой же агонии. Взгляд перекинулся на Элару, которая крепко держала руку Петории. Тогда она вспомнила себя, ту боль, которую испытывала, когда смотрела в застывшие глаза умирающей матери. Прошло уже много времени с того дня, но те переживания навсегда остались внутри неё. Никакое время не сможет их стереть. И когда она вновь столкнулась с этой ситуацией, то будто перенеслась на тридцать лет назад. Будто это она плачет у кровати и ждёт, когда мать поправится. Ждёт, когда она снова улыбнётся и поцелует мягкими губами. Грендель прошла вперёд и села на стул рядом с Петорией.

– Держись, милая. – Проговаривала она сквозь скорбь. – Ты сильная, ты должна справиться.

Но та даже не поворачивала головы. Смотрела куда-то в сторону и шептала непонятные окружающим слова. Элара не должна этого видеть.

– Уведите её, – твёрдо приказала она прислуге.

– Что?! – завопила девочка. – Нет! Я останусь с ней! Не трогайте меня!

Двое харонов взяли её за руки и начали тащить из комнаты. Она сопротивлялась, как могла: всеми силами пыталась вырваться из хватки, тормозила ногами об каменные выступы и просто кричала. Последнее не сильно ей помогало, однако воспринимать ситуацию спокойно она не могла. Элара не понимала, почему царевна так поступает. Ведь это возможно последние минуты близости с самым родным человеком, а она их отнимает. Как только они вышли, стража закрыла дверь снаружи.

- Цейден, вы давали ей измельчённый тиллидалар? – обратилась Грендель к лекарю.
- Да, жар всё равно не спадает.
- Эта болезнь так просто не отступит...
- Откуда вы знаете?
- Принесите новое полотенце на лоб и приготовьте ещё отвара.
- Да, ваше величество.

Цейден принялся за работу. Грендель сидела и всматривались в нежные черты лица своей подруги. Лекарь передал компресс и отошёл к стойке со снадобьями. Царевна аккуратно начала убирать пот со лба больной. Каждый раз, когда она чувствовала прикосновение ткани, то немного вздрагивала, будто её тыкали иголкой.

- Тише, родная, тише...

После того как влажность была собрана с лица Петории, Грендель сложила его четыре раза и обмакнула в чан с холодной водой, который располагался на деревянной тумбочке, прижатой к изголовью кровати. Цейден вновь напоил больную. Ничего не помогало. "Это какое-то проклятье", – прошептала Грендель.

- Что? – отозвался лекарь.
- Нет, нет, ничего.

Петория начала задыхаться и рвать на себе одежды. Воздух словно выкачивали из её лёгких не давая вздохнуть.

- Что с ней? – взволнованно спросила царевна.
- Я... я не знаю.
- Не знаешь? Разве ты не врач?
- Я никогда с таким не сталкивался.
- Боже мой, дай мне сил, – отчаянно произнесла она.

Руки Грендель крепко держали её за запястье. Ей оставалось только молиться: "О, Всевышний, даруй исцеление этой женщине, прошу. Прояви свою милость и спаси её. Не оставляй её дочь расти без матери. Пусть она выздоровеет и...". В этот момент приступы прекратились. По крайней мере, так подумали присутствующие. Мольба ведь могла дойти до Бога и Он, зная, что она хороший и любящий человек, сохранил бы ей жизнь. Но не в этот раз. Цейден приложил ухо к груди Петории и вслушивался в сердцебиение, которого не было. Он с грустью поднял голову и посмотрел на свою царевну. Та, всё прекрасно поняла без слов. Они были излишни. Грендель сложила руки умершей крестом и оторвала клочок волос для Элара в память о её матери. Теперь её частичка она всегда будет с ней, куда бы она не пошла. Возможно, это сможет облегчить тяжкое бремя потери родного человека. Связанные ниткой волосы она положила в карман. Петория была уже в лучшем мире. Трудно вообразить каково это. Однако, она знала точно – её путь на земле подошёл к концу. Царевна поцеловала лоб усопшей и отправилась к дочери. Дверь была заперта, чтобы она не выбежала. Но это не наказание, это защита. Увесистый ключ начал шоркать замочную скважину, после чего прозвучал щелчок и дверь открылась. Элара лежала на кровати и рыдала. Как только она увидела Грендель, то вскочила и начала вопросительно смотреть на царевну.

- Она мертва.
- Слезы снова покатались из её измученных глаз.

– Почему вы меня оттуда забрали?! – девочка бросилась к своей нежеланной гостье и начала колотить её кулаками. Она совершенно забыла о том, кто стоит перед ней. Но царевна всё понимала. – Я хотела быть с ней! Я хотела...

Она ласково обняла дитя и усмирила её возбужденное состояние. Худая и уже зрелая рука нежно скользила по затылку головы до конца шеи.

– Тебе не нужно было этого видеть. Смерть меняет людей. Особенно это сказывается на таких, как ты.

– Почему это случилось? Я хочу, чтобы она была жива.

– Мы не всегда получаем то, что хотим. – Царевна немного отодвинула от себя Элару и достала волосы из кармана. – Держи.

– Что это? – в недоумении произнесла девочка.

– Это твоей матери. Пусть они напоминают тебе о ней и в самые трудные моменты твоей жизни, часть её всегда будет с тобой.

Она осторожно взялась за клочок и стала разглядывать. Скорбь потихоньку начала сходиться на нет. Грендель присела и посмотрела в глаза страждущей. Длинные одежды начали касаться пыльного пола.

– Она тебя любила, Элара. И всегда будет любить.

Девочка накинута на шею царевны и крепко обняла её. Та в ответ обернула руками её хрупкую спину. Они не хотели отпускать друг друга, но был уже поздний час.

– Тебе нужно поспать, – произнесла Грендель и вырвалась из рук Элары. – Я знаю, тебе будет сложно это сделать, но попытайся.

– А вы останетесь со мной?

– Хорошо.

Они прошли к постели и Элара взобралась на неё. Грендель натянула на неё одеяло и села рядом. В комнате не было окон и когда царевна сдула последнюю свечу, кругом был мрак. Маленькое беззащитное дитя. Такая хрупкая. Она слишком рано столкнулась с жестокостью мира. Грендель вслушивались в её тихое сопение, но усталость начала одолевать и её. Она легла на оставшейся части кровати. Без резких движений, чтобы не будить ребенка.

Чувство долга

Солнце очень редко вставало над родными землями. Утром можно постоянно наблюдать толстый слой серого полотна, простирающегося на сотни верст. Иногда лучи пытаются пробиться сквозь густую облачную массу, но их тут же съедают. Им не дают никакого шанса. Мрачная погода всегда плохо сказывается на настроении жителей. Угрюмость и истощенность одни из основных состояний человеческой природы в Нильшерте. Впрочем, именно она создаёт необъяснимый абсолютный дух, объединяющий народ в единое целое. Трудности всегда сплачивают. Ведь преодолевать их вместе гораздо легче, чем поодиночке. У тебя появляется возможность распределения обязанностей, наличие более компетентных лиц, ведь один человек не может знать всё. Однако есть тот, кто привык играть один. Ему не нужна поддержка со стороны близких, их помощь. Он добивается всего сам, преодолевая боль, ошибки, неудачи, падения, преграды. И если он проигрывает, то ему ничего не остаётся, как винить кого-то кроме себя, а если побеждает, то все лавры не достанутся кому-то третьему. Эта огромная ответственность и сила настолько давят, что в конце концов, он либо обретает себя, либо теряет навсегда.

Сон Грендель был нарушен стуком в дверь. Она лениво подняла голову и посмотрела на вход. Дитя ещё спало. Аккуратно выбравшись из объятий девочки, царевна встала и подошла открыть дверь. За ней стоял Сотар и удивлёнными глазами смотрел на свою возлюбленную. Грендель вышла из комнаты и тихо затворила её за собой.

– Что ты здесь делаешь? – произнес он. – Я думал, ты осталась на ночь в покоях Кенваля.

– Вчера скончалась Петория. Лихорадка не отпускала её несколько часов. Я не могла оставить Элару одну ночью.

– Боже мой... Как она?

– Спит.

– Пускай отдыхает. Как ты себя чувствуешь?

– Даже не знаю. В голове всё перемешалось. Пока не осознаю, что её больше с нами нет.

– Пойдём, завтрак уже готов, – произнёс он и протянул руку.

– Но мне нужно привести себя в порядок, – возразила Грендель.

– Ничего. Ты прекрасно выглядишь.

Царевна с некоей досадой схватила запястье супруга, и они вместе начали шагать в сторону трапезной. Кенваль уже ждал своих родителей в окружении харонов, которые ему прислуживали. Мальчик никогда не понимал, зачем ему столько прислуги, неужели он не может делать какие-то вещи сам? Он еле убедил всех, что в состоянии одеваться самостоятельно. И каждый раз ему становится неудобно, когда кто-либо совершает его личные нужды. Однако некоторые вещи непозволительно выполнять царской особе, за что родители его часто причитали. В комнату, распахнув гравированные рисунками северо-восточных цветов двери, величаво вошёл царь со своей сопроводительницей. Как только они пересекли порог, Кенваль встал с большого деревянного стула, чтобы почтить присутствие старших. Мать расположилась рядом с сыном, тогда как отец сел на уготовленное тронное место.

– Помолимся, – произнёс Сотар и закрыл глаза. – Отче, благодарю тебя за это утро и моих родных. Я прошу у тебя благословения на сегодняшний день. Дай нам мудрости провести его с пользой. Стать сильнее, умнее, лучше. Пусть в нашем доме пребудет твоя воля. Благодарю тебя за пищу, которую ты нам даёшь. И пусть она станет для нас источником силы.

Кенваль никогда не понимал суть молитв, произнесенных отцом. Зачем благодарить Бога за еду, если её создали и выращивали крестьяне, а готовили кухарки дворца. По крайней мере, это вызывало не столько вопросов, как существование самого сверхъестественного существа. Гальдемар рассказывал, что на юге они верят в нескольких богов, а на севере вообще никому не молятся. В чём, тогда правда? Однако он всегда страшился этим поинтересоваться у родителей.

Они могли не так его понять, ведь для них это нечто обыкновенное, что вошло в привычку и является частью их естественной жизни.

Каждый член семьи начал молча вкушать пищу. Разговаривать у шелов во время трапезы дурной тон. "Всему своё время", – твердили они. Время, отведенное для еды должно оставаться таковым, а время, предназначенное для общения, не имеет ничего общего с другими действиями. Они очень серьёзно относились к таким вещам. И нарушение этикета можно расценивать как неуважение к присутствующим. Это простительно, если ты гость из чужих земель, но если ты, будучи шелом нарушаешь уклад жизни, то наказания не избежать.

Вдалеке послышался конский топот. "Неужели гонец?", – мелькнула мысль в голове царя. Он положил столовые приборы и подошёл к окну. Если бы это сделал любой другой шел, тогда бы в его сторону сразу полетело общественное порицание. Но для царя нет таких границ, тем более, когда речь заходит о государственных делах.

Со стороны северной равнины мчался всадник. Ни латов, ни шлема. Было очевидно, что это Версахский посланник.

– Торн, сообщи совету, что прибыл гонец, – сказал он, не отрывая взгляда от окна.

– Слушаюсь, ваше величество.

Харон слегка поклонился и направился к числу приближенных царского трона.

– Неужели это не может немного подождать? – с недовольством произнесла Грендель.

Чтобы не пропустить завтрак она не успела даже умыться, а он и вовсе решает пропустить свой приём пищи.

– Это Версахский выездной лакей. Они бы не стали его слать ради пустяка. Что-то случилось.

– Всё хорошо? – спросил с опаской Кенваль.

– Да, милый, кушай, – успокоила его мать.

Сотар второпях вышел из трапезной. Ему нужно было быть в одеяниях для аудиенций. Глава государства – это его представитель, поэтому на нём должна быть символика – цветущий калиандр, который вышит на царской мантии. Изображение располагалась в области левого плеча элемента одежды. Калиандр – единственное растение, которое не погибает при сильных морозах. Оно даже прорастает сквозь снег. Его плоды, кисло-сладкие маленькие ягоды красного цвета, часто являются пищей для диких животных в зимнюю пору. Он знамение стойкости и надежды.

Символом Версаха была бычья голова на кроваво-красном фоне. Она олицетворяла силу и независимость. Знак точно отражал их характер и нравы. Версахцы рослые, сильные люди, основным ремеслом которых была война и охота на лесных зверей. Они не особо славились дружелюбием и для них белковая пища была только в радость, даже если она была сырая.

Сотар сидел в присутствии своей свиты и выжидал пока незванный гость пройдёт в тронный зал и озвучит причину своего визита. Каждый был в ожидании. Все сердца трепетали о том, что ждёт их впереди. Огромные ворота в шел распаивает стража и входит высокий мужчина с густой бородой, увешанный кожаными плащами и шкурами, который скрипел своими ботинками по гладкому камню. Он встал посреди зала и поклонился царю.

– Ваше величество, царь степных земель, моё имя Накал из Урта. Достопочтенный правитель северных земель Далариен призвал меня выступить перед вами и сообщить о его намерениях относительно Нильшерта.

– Говори Накал из Урта. Мы тебя внимательно слушаем.

– Ваше соглашение о нейтралитете с Версахом обходится вам очень дёшево. Далариен просит передать ему Заречные земли с целью их освоения и присоединения к Версаху. Так как это не захват, мы позволим вашим людям спокойно покинуть их дома и расположиться в местах ближе к центру. Данные земли вы отдаёте в дар, и мы не намерены воевать с вашим народом. Такова воля моего посланника.

– Что же будет с данью, которую мы платили ранее?

– Соглашение в этой части останется неизменным.

– Вы просите меня отдать земли по собственному желанию, тогда как именно для того, чтобы их не забирали у моего народа, я платил Далариену?

– Если вы захотите их не отдавать, то мы заберём всё силой. В этом же случае мы забираем лишь их часть.

Сотар был в возмущении также, как и остальные присутствующие в зале. Поднялся недовольный гул, который заполнил всё помещение.

– Такова цена спасения, – произнёс гонец.

– Уж лучше умереть, чем находиться в рабстве у бестолковых и вонючих версахцев!

– Остынь, Мидек, – успокаивал его Сотар.

– У вас есть сутки, чтобы подумать над нашим предложением. В противном случае мы разрываем все соглашения о временном перемирии, на основании неисполнения обязательств с вашей стороны и имеем право идти войной против Нильшерта.

После этих слов Накал поклонился вновь.

– Отведите его в покои, чтобы он смог расположиться после долгого пути, – сказал царь и встал.

Он не находил себе места. Его зажали в угол. К нему тут же подбежала его правая рука и начала отчитывать.

– Ну, что? Довольны? Разве я не предупредил об этом?! Разве не говорил вам, что это не кончится добром?

– Меньше всего мне сейчас хочется слышать недовольные возгласы. Созывай срочный совет. Нужно решать, что делать.

Напряженный Мидек, не мог отвести взгляда от Сотара. Он знал, что так будет. По крайней мере, догадывался об этом. Он нехотя обернулся и пошёл докладывать каждому приближенному о грядущем внеочередном собрании. На самом деле решение уже было принято. Сотар знал, чего хочет. Точнее знал, чего он не хочет. Чтобы его государство дробили какие-то чужеземные захватчики. Его отец воссоединял один клочок почвы за другим не для того, чтобы их потом раздавали направо и налево. Видимо, избежать войны в существующих условиях не получится. Однако царю нужно было услышать мнение совета. Поспешные решения всегда дорого ему обходились, и он не хочет совершать одни и те же ошибки.

Вся знать уже сидела за столом переговоров. Сотар ждал последнего. И по всей видимости самого значимого из присутствующих. Несмотря на его вспыльчивость и дурной характер он был дальновидней всех. Хоть Сотар и понимал это, но не мог признать. Он считал, что он царь и всё, что он делает правильно и не подлежит обсуждению. Решение, принятое правителем – закон. Царь не обязан извиняться за свои решения, несмотря на то, что они в какой-то степени могут быть неправильными. Двери шела открылись и Мидек прошёл на своё место.

– Многие из вас уже слышали новость, доведенную с северных земель. Далариену мало наших платежей и он желает большего. Заречные земли Нильшерта. Сейчас вопрос стоит в том, что нам важнее: часть государства или народ.

– Но разве народ не является частью государства?

– Да, ты прав, Анокар. Но дело в том, что одно мы можем вернуть, а другое может бесследно уйти.

– Хотите услышать моё мнение? – заявил Мидек.

– Да, говори.

Все старцы сразу переключили своё внимание на эмоционального коллегу.

– Заречные земли будут лишь началом. Потом они попросят Ксант, а затем и всю центральную часть. Дадим откусить кисть, останемся без руки. Они не остановятся на этом. А

после того, как они без единой крови и усилий получают Нильшерг, то начнут доить его как корову. Весь урожай, всё добытое с шахт, будет уходить этим несносным варварам.

Первый раз Сотар действительно стал задумываться над красноречивыми репликами Мидека. Он начал видеть в них смысл. И более того, царь начал понимать своего соратника. Все молча кивали головой.

– Ты прав.

Мидек посмотрел на Сотара. Он начал безумно улыбаться и вертеть головой.

– После стольких лет я наконец услышал ваше одобрение... Неужели нужно было всё довести до такой крайности, чтобы понять истину.

– Сейчас не время выяснять кто и когда, что-либо говорил. Мы живём сегодня. И решать нам нужно сегодняшние проблемы. Если мы станем постоянно оглядываться назад, то будем неспособны собраться и противостоять врагу.

– Готовьте армию, царь. Это всё, что вам сейчас нужно. Версах не сразу предпримет попытки отобрать земли после отказа, у нас будет время подготовиться.

– Проведем голосование на выбор временного командующего войском.

Все девять мужей подняли свои чернильные перья над чистыми листами и стали писать имя того, кто достоин, занять эту должность. Утвердившись в своей позиции, они бросали клочок бумаги в большую глиняную урну, расположенную посередине стола. После того как последний свёрток оказался в вазе, то харон совета взял её и начал доставать по одному зачитывая их.

– Лукреций.

Все внимательно смотрели за каждым движением слуги.

– Мидек.

Харон поставил лист бумаги на стол и взялся за другой.

– Мидек.

Глаза приближённого начали гореть. Это то, чего ему не доставало. Власти. Истинной власти, а не эти игры с государственным советом. Военные предводители считались вторыми по значимости лицами после монарха.

– Мидек.

Он уже ощущал вкус своей победы. Ему хотелось плясать от счастья, но нельзя было показывать себя в этот момент.

– Перон.

"Перон? Этот старый дурак, даже своими детьми командовать не может", – думал про себя Мидек.

– Лукреций.

"Неужели эти идиоты, могут поручить это дело кому-то кроме меня?", – продолжал он рассуждать.

– Мидек.

Они не желали возлагать ответственность на такого высокомерного и возбудимого мужа. Однако никто бы не смог справиться с этой ролью лучше, чем он.

– Лукреций.

"Нет, этот недоносок, не может меня опередить! Я единственный, кто способен защитить Нильшерг. Никто кроме меня не способен на это!".

Томное молчание заставляло сердца присутствующих в зале биться сильнее. Ещё чуть-чуть и их можно будет услышать. Харон поднял последнюю бумажку и развернул её.

– Мидек.

Мидек сжал кулаки и тихо стукнул по столу. Он победил. Он доволен собой настолько, насколько позволяла его гордость.

– Решением верховного совета Нильшерта, назначаю тебя Мидек из Ксанта, сын Лера, главнокомандующим войск. Грядёт война мужи Нильшерта и нам нужно быть к ней готовыми.

Кенваль прогуливался по дворцу после усердных занятий по правописанию. Он услышал чей-то плач. Звук был далёким, но коридорами распространялся по всей крепости. Маленькие царские ноги начали быстрее шагать. Ему хотелось узнать, что случилось. Кенваль подошёл к одной из дверей и приложил ухо. "Нет, не отсюда", – подумал он и пошёл дальше. Через пару метров он прилип к ещё одной, однако и эта оказалась не той, которую он искал. Мальчик прошёл дальше, стал прислушиваться к следующей. "Да, это определено здесь". Теперь ему оставалось открыть её, и посмотреть, кто за ней прячется. "А вдруг он не хочет никого видеть?", – подумал он и отошёл чуть назад. "Но, если ему плохо, возможно, я смогу поддержать и помочь". После этого, он начал тянуть ручку двери на себя. Элара с непонятым выражением лица смотрела, как Кенваль тащит дверь. Он остановился и посмотрел на неё. Её глаза были красные, а по щекам катились слезинки.

– Что случилось? – спросил он.

– Что ты здесь делаешь?

– Я услышал, как кто-то плачет и пришел к нему на помощь.

Элара бы очень хотела, но ничего не поможет воскресить её мать.

– Уходи. Ты не должен здесь быть, – произнесла девочка и продолжила рыдать в подушку.

Кенваль зашёл и сел на кровать рядом с ней.

– У тебя что-то болит? Я могу позвать лекаря.

– Нет. Лекарства здесь не помогут...

– Тогда в чём дело? – озадаченно произнёс Кенваль.

– Моя мама... – начала робко Элара. – Он вчера умерла.

Кенваль продолжал смотреть на неё застывшими глазами. Он никогда не сталкивался с таким и не знал, как реагировать. Ему должно быть грустно, но он не испытывает печали, потому что не знал этого человека. У себя в голове он пытается подобрать утешительные слова, но понимает, что ни одно из них не поможет вернуть её к жизни. И ничто не сможет утолить скорбь маленькой девочки.

– Зачем ты плачешь? – вдруг спросил он.

– Что? – в недоумении произнесла Элара.

– Разве это поможет в чём-то? Не нужно этого делать. Ничего от этого не поменяется.

– Ты не можешь этого понять. Представь, что твоих родителей не станет.

Как ты себя будешь чувствовать в этот момент?

– Не знаю... Мне было бы плохо. Но потом бы я осознал, что это умерли мои родители, а не я. Моя жизнь ещё не закончена и ни к чему убивать себя раньше времени.

– Какой же ты глупый! – вскричала Элара.

– Почему?

– Плачут не потому, что хотят себе вреда. Плачут, потому что не могут справиться со своими переживаниями. Нельзя контролировать свои чувства.

– Разве? У тебя же не случаются случайные приступы смеха.

– Это ничего не значит...

– А, по-моему, значит. Нужно лишь подумать сейчас о чём-то хорошем.

– Как я могу думать о хорошем когда в моей жизни случилось плохое?

– Хорошее всегда есть вокруг нас, просто иногда мы его не замечаем. Или не хотим замечать.

Девочка задумалась и начала сверлить пол своим взглядом. Кенваль схватил её за руку и повёл к выходу.

– Ты что делаешь? – спросила она.

– Я знаю, где лежит жжёный сахар у Самандина. Когда мне грустно, я пробираюсь на кухню и ем его.

– Разве так можно?

– Нет. Но он очень вкусный.

Девочка улыбнулась, и они вместе выбежали из комнаты и побежали навстречу сладости. Они уплетали одну штуку за другой, пока горшок не стал пустым. Все руки были неприятно клейкими, и хотелось их скорее помыть. Но Элара придумала способ получше – она стала облизывать свои маленькие пальчики, съедая сладкий слой, который скопился.

– Ты чего? – настороженно спросил Кенваль.

Девочка подняла голову и вопросительно посмотрела на него.

– Не нужно этого делать, мы достанем ещё.

– Да нет. Они просто липкие.

– Можно смыть потом водой, ни к чему это делать.

– Ладно...

– Прости, я не хотел тебя обидеть.

– Всё хорошо, – простила она.

– Ты не должна меня слушать, я же не твой господин.

– А потом?

– Что? – не понимая, произнёс Кенваль.

– Ты когда-нибудь вырастешь и станешь царём, что будет тогда? Кем я буду для тебя тогда?

– Другом.

– Тебе будет не до меня...

– Неправда! Мы будем дружить, и ничто не сможет этому помешать.

Элара ласково улыбнулась и посмотрела на Кенваля. Она сидела на деревянном полу напротив него и спиной упёрлась в кухонный шкафчик. Руки её были соединены и сжаты между коленями. Недалеко послышались шорохи и звуки приближающихся шагов. Он вскопчил и посмотрел на дверь.

– Это Самандин, бежим, скорее!

Мальчик снова взял её за руку и поволок к другому выходу. Стряпник зашёл в свою обитель и увидел на полу пустую ёмкость из-под сахара. Он сразу понял, чьих рук это дело. Он не раз ловил его и грозился, что расскажет родителям. Но на самом деле, у него было доброе сердце, которое никак не могло дать мальчишке получить наказание за такой детский проступок. Но в этот раз он не на шутку рассердился.

– Кенваль! – протяжно прокричал он в ярости.

От хохота они еле передвигались. Им было настолько смешно, что совершенно не могли себя контролировать и не заметили, как перед ними появился Сотар. Царь грозно посмотрел на своего сына. Тот сразу же перестал смеяться. Ему очень не нравилось такое поведения Кенваля. После того, как он прожёл взглядом дыру в мальчике, то повернул голову и посмотрел на Элару. Она застенчиво опустила глаза и смиренно стояла перед своим правителем.

– Элара, я узнал новость по поводу твоей матери. Мои соболезнования. Можешь идти.

– Да, ваше величество, благодарю, – сказала она и слегка поклонилась.

Кенваль с тоской смотрел вслед своему другу. Твердый голос отца отбил желание наблюдать за её походкой:

– Что ты делаешь?

– Мы немного поели сахара, а потом Самандин...

– Я не об этом. – прервал его Сотар. – Разве ты не должен готовиться к гелнее? Завтра уже первое испытание, а ты носишься по коридорам с хароном и веселишься.

– Мы просто были вместе и ...

– Я не хочу ничего слушать. Иди вниз к тренировочной стене и жди меня.

– Хорошо, – покорно произнёс Кенваль и отправился к лестницам.

Именно это он больше всего ненавидел, когда все чего-то ожидают от него, а он хочет быть простым мальчиком, шумно слоняющимся по крепости. А ещё эта гельнея, которая больше всего отбивала у него все краски жизни. Для него это было больше, чем испытание. Это собственный страх, который он должен преодолеть и стать сильнее. В первую очередь, Кенваль должен победить себя, и когда он это сделает, может достигнуть чего угодно. Гельнея включала в себя четыре этапа: воздух, вода, огонь, земля. Считается, что если человек не овладеет хотя бы одной стихией, то не может быть достойным. Воздушное испытание представляет собой действия по подъему на стену крепости по многочисленным каменным выступам. Оно происходило без всякой подстраховки, что ещё больше усложняло выполнение. Испытание водой происходило в реке Тельза, протекающей через земли Нильшерта. Мальчик должен был перебраться с одного берега на другой. Но сделать это, нужно было исключительно вплавь. Огненное испытание – Кенваль должен выковать собственный меч. Кузнечному делу обучали с малых лет, но трудность в том, что не каждому мальчику хватит сил это сделать. Задание не могло быть невыполненным априори. Зачёт третьего испытания мог происходить только по окончании четвёртого – земля. Это честная битва против такого же мальчишки, который желает утвердить свой статус мужчины. И если он побеждал в четвертом испытании, тогда считалось, что выкованный меч вполне пригоден для битв. Вся гельнея проходит четыре дня – по одному испытанию на каждый. Нельзя избежать того, что неминуемо. По итогу, он либо пройдёт его, либо станет посмешищем для всего народа. И в первую очередь над ним будет потешаться Мидек, отчаянно жаждущий его провала. После испытания всех мальчиков клеймили раскаленным стальным символом на правом плече. Только так можно доказать, что ты прошёл испытания и являешься полноправным членом общества.

Кенваль уже стоял перед ней. Мальчик задрал голову и посмотрел на всю её протяженность. "И это даже не настоящая стена...". Ему было страшно. А что, если он не сможет зацепиться? Что если соскользнёт нога? Что будет тогда? Неужели он готов поставить на кон всю свою жизнь ради какого-то титула? Ветер продувал его левое ухо так, что он ничего им не слышал. "А вдруг ветер скинет меня? Не самая лучшая идея залезать туда в такую погоду", – думал он, глядя на камни. Кенваль отвернул взгляд и увидел, как отец приближается к нему. Как он и сказал, он не был врагом своему сыну, но не хотел, чтобы он вырос неспособным, избалованным ребенком. Он должен быть готов ко всему.

– Залезай. Я буду наблюдать за тобой.

– Без веревок? – испуганно произнёс Кенваль.

– На испытании их не будет, поэтому не нужно к ним привыкать.

– Но я никогда без них не взбирался.

– Сколько раз ты упал?

– Ни одного.

– Видишь? Они лишь иллюзия твоей безопасности. Раз с ними ты ни разу не сорвался, то почему должен падать без них?

– Но вдруг что-то случится и я...

– Кенваль, – грубо прервал его Сотар, – не нужно устраивать сцен.

Мальчик тяжело выдохнул и снова посмотрел на сооружение. Он неуверенно подошёл к нему и поставил ногу на камень, а затем схватился правой рукой за верхний выступ, до которого он дотягивался. Его движения были скованными и растерянными. Складывалось ощущение того, что он совершенно потеряян. Руки слегка подрагивали, а каждый раз, когда дул ветер, то он прижимался плашмя к стене и боялся сделать даже вдох. И в один из рывков, поток воздуха снова направился к нему и сбил, не дав дотянуться до цели. Он с криком свалился спиной на землю и Сотар обеспокоенно подбежал к нему.

– Как ты? Все хорошо?

– Вдохнуть не могу, – еле выдавил Кенваль.

– Лежи, не двигайся, это сейчас должно пройти. Эй, Бэриель, – крикнул он одному из харонов, который стоял у ворот в крепость, – позови лекаря.

Сотар молча наблюдал, как мальчик пытается дышать. Он взял его за руку и прижался коленями к земле. Царь снял с себя кафтан и подложил под голову Кенвалю. Не этого он ожидал. Неужели он и вправду не готов? Столько лет подготовки и всё впустую. В чём он мог ошибиться? Кенваль сам не против стать тем, кем хочет видеть его отец, но для него это слишком тяжело. Он стремится стать лучше, но иногда он совершенно не видит результатов своих трудов. Сколько бы он не прилагал усилий – этого было мало.

– Видимо, я не достоин того, чтобы называется твоим сыном, – простонал Кенваль.

– Что? О чём ты? Ты прекрасный сын.

– Сколько бы вы меня не утешали тем, что любите, правитель из меня будет никакой.

– Неправда.

– Нет, это так.

– Если у тебя что-то не получается, это не значит, что ты в этом плох. Это значит, что ты мало уделил этому времени.

– А сколько времени нужно, чтобы стать мужчиной?

– Ты уже он и есть.

– Тогда почему я лежу сейчас здесь, а не сижу на вершине стены.

– Сила и навыки – это то, что можно приобрести. А есть то, что даётся от природы – это воля, упорство, ум. А этого у тебя в избытке. И даже если ты завтра провалишься, я буду думать только о том, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Но тогда все остальные станут говорить за моей спиной о том, что я неудачный сын царя.

– Они будут говорить так, потому что сами ничего не достигли. Никакой достойный человек даже думать об этом не будет.

– Почему мне так страшно, папа? Почему я боюсь? – заплакал Кенваль.

– Страх – это не плохо, это естественное чувство. Без страха люди бы давно погибли. Он предостерегает их от опасных вещей. Но иногда его нужно преодолеть, потому что он заковывает тебя и не даёт жить полной и насыщенной жизнью. Он отбирает твою свободу, а это единственное, за что стоит бороться.

Цейден уже несся с помощниками к молодому царю.

– Что случилось? – спросил он, когда добежал до места падения.

– Он не удержался и свалился со стены.

– Упал на спину?

– Да, – отвечал Сотар.

– Дышать можешь? – спросил он, обращаясь к Кенвалю.

– Сейчас уже легче.

– Давайте его на носилки.

Они положили мальчика на деревянную доску, обитую тканью, и понесли до его покоев.

Можно сказать, что тренировка подошла к концу, даже не начавшись. Царь с горестью наблюдал, как искалеченного сына несут к дворцу. Разве этого он хотел? Неужели это действительно так, и всё, что ему нужно от сына, чтобы он был достойным руководителем государства? Царь боялся, что станет тем, кто променяет любовь на призвание.

"Сегодня точно пойдёт дождь", – размышлял Кенваль, пока он находился в невесомом состоянии. "И это то, о чём ты думаешь? – спросил он сам себя. – Неужели ты не можешь быть более ответственным. Неужели не можешь достигнуть того, что от тебя просят? Это же не так много". Его вдвоём положили на кровать, словно он парализован и не может передвигаться.

- Спасибо, Бэриель, – произнёс Кенваль.
- Вам не следует меня благодарить, ваше величество. Вам уже лучше?
- Да. Кажется...
- Если вам нехорошо, то я могу позвать Цейдена.
- Не нужно, у него и без меня забот хватает. Я в порядке.
- Тогда с вашего позволения, я пойду.
- Конечно.

Харон положил руку на сердце и совершил поклон. Кенваль не знал, как реагировать. Сколько бы раз они этого не делали, ему непривычно наблюдать за подобного рода действиями. Через мгновение мальчик наблюдал за спиной, уходящего слуги. Он остался один. Размышления о предстоящем испытании не давали ему покоя: как всё будет, справится ли он. Кенваль неправильно воспринимал ситуацию. Вместо того, чтобы думать о возможности показать себя и преимущество, он нагнетает её. Постоянно думает о том, что будет, если он не справится. И этот страх... Быть проигравшим. Он низводит до белого каления и сковывает его. Точно так, как говорил отец. Дверь в комнату медленно начала открываться. Из-за её края сначала показались несколько белоснежных пальцев, а затем и вся рука. Это была Грендель. Она была обеспокоена известием о своём сыне. Переживания на лице матери сразу заметны, особенно, если речь идёт о ребенке. Она тоскливо взглянула на Кенваля и произнесла:

– Сынок? Как ты?

Ответа не было. Мальчик чувствовал себя униженным. Ему не хотелось в таком свете предстать перед матерью.

- Хорошо, – отчуждено ответил он.
- Слава Богу, что ты ничего не повредил.

Грендель прошла и села у ног Кенваля, чуть поглаживая его ладонью поверх одеяла.

– А иначе?

– О чём ты?

– Что было бы, если это произошло? Если бы я сломал ногу, руку или того хуже позвоночник. Остался бы я тем же, кем был всегда?

– Конечно.

– Для вас да... Но как же остальные? Разве они не изменяют своё мнение обо мне? Разве не станут говорить за спиной: смотри это же сын-калека царя?

– Людское мнение обманчиво, на него нельзя полагаться.

– Дело даже не в этом... А вдруг это случится во время испытания? Неужели они все готовы допустить такое?

Искрящая речь Кенваля, очень приковала внимание Грендель. Она редко видела его таким эмоциональным. Что-то было не так. Мать чуть наклонилась и взглянула в раскосые глаза сына. Он тут же начал отводить взгляд.

– Ты ведь не пораниться боишься? Верно?

Молчание его выдало. Она слишком хорошо его знает.

– Поражение – это не смерть, Кенваль. На ошибках учатся. Если ты не будешь проигрывать, то не станешь победителем.

– Но завтра проигрывать нельзя... – простонал он.

– Кто это сказал? Люди? Члены совета? Царь? Не нужно окрашивать каждое событие чувствами. Принимай всё как факты и всё станет на свои места.

Грендель встала с постели и направилась к выходу. Краем глаза она заметила бронзовое блюдо, на котором была еда для Кенваля. Мальчик к ней даже не притронулся.

– Поешь. Голод не принесет ничего хорошего.

Дверь затворилась снаружи. Снова выбор. Вновь нелегкое решение, которое он должен принять. В глубине души он уже определился, но сомнения всё ещё тешатся в его разуме. Кен-

валь скинул с себя тёплое покрывало и спрыгнул с кровати. "Я должен это сделать", – твердил он сам себе, когда одевался. Нижняя пуговица осталась не застёгнутой из-за спешки. Времени оставалось всё меньше, на улице уже начало темнеть, а он должен был преодолеть себя. Сколько бы ему не твердили, что это не важно, Кенваль принимал на себя ответственность за все свои действия. Если нужно принимать всё как факты, тогда уж лучше по факту он будет победителем, чем проигравшим.

Мальчик вышел во двор и направился к той самой стенке. Он весь продрог. К вечеру поднялся сильный ветер, и погода стала холодной. Кенваль схватился за ледяной, по ощущениям каменный выступ и сделал шаг вперёд. Никто не будет его искать. Они уверены, что наследник видит сладкие сны. Сейчас он наедине с собой, только он. Он чувствовал умиротворение, никто его не торопит, никто не говорит, что делать, никто не наблюдает и не ждёт, что он совершит ошибку. Кенваль лишь сконцентрировался на этой стене, и на том, как забраться на её вершину. Он собрал всю свою волю и начал твёрдыми руками ползти вверх по каменным выступам. Сила лилась по его венам, он чувствовал свободу и был уверен в своей победе. Ещё рывок. Ничто уже его не остановит. Он сделает это сейчас или навсегда останется напуганным мальчишкой. Слова отца назойливо звучали у него в мыслях: страх отнимает твою свободу. Теперь в голове Кенваля ему не было места. Жажда победы поднимала его всё выше. От него исходило невероятное стремление стать сильнее, стать лучше. Оно опьяняло его. Больше ничего не было нужно. Пальцы ладони уже зацепились за верхний край. Осталось совсем немного. Когда он хотел переставить ногу повыше и взойти на пьедестал, то она соскользнула, и он повис на одной руке. Долго он так держаться не сможет. Пальцы понемногу начинают съезжать от тяжести. Кенваль пытался дотянуться второй рукой до верха, но не получалось. Неужели он всё-таки не сможет покорить эту вершину? Неужели ему придётся снова стать свидетелем собственной слабости? Мальчик вновь потянулся к краю. Ему не доставало, каких-то пары сантиметров. Он начал медленно раскачиваться из стороны в сторону. Правая рука уже онемела – слишком много веса для такой хрупкой конечности. Он хотел набрать амплитуду и сделать рывок. Вправо, влево, вправо, влево... И вот когда очередной раз его тело сдвинуло в левую сторону, ветер подхватил его и он потянулся к краю, ухватившись за него тремя пальцами. Оставалось только приложить всю оставшуюся энергию и подтянуться. Со стонами и возгласами Кенваль таки поднялся и величаво уселся на своём месте победителя. Теперь он был доволен собой. Даже небольшая доля гордости пробилась в его природе. Он смог и это уже ничего не изменит. "Как теперь слезать?", – вдруг осенило его. Этот вопрос не на шутку заставил задуматься. "Неужели нужно вновь по камешкам спускаться вниз?". Длина стены была не меньше пяти метров. Не так много для взрослого человека, однако высокогато для десятилетнего мальчика. Кенваль свесил ноги и готов был прыгать. "Раз, два...", – отсчитывал он вслух. На счёт три он оттолкнулся руками и стал падать вниз. Стопы жестко прибило к земле. От силы столкновения, мальчик не смог удержаться на ногах и плашмя свалился, проскользив по грязной почве. "Ау", – простонал Кенваль. Приземление оказалось не настолько удачным, насколько он предполагал. Ему нужно было возвращался в покои. Кто-нибудь мог заметить отсутствие молодого царя в постели. Хотя бы один из харонов, прислуживающих ему. Кенваль отжался руками от земли и встал. Все одежды были в пыли. Она слоями выбивалась из тканей, когда мальчик по ним хлопал, словно их не стирали несколько столетий. После того как он привёл себя в порядок, то побежал во дворец.

Мидек сидел с зажжённой лампой и листал старые книги, и исторические писания. Огонёк трепетал под небольшими порывами ветра, что залетали из дверных проёмов библиотеки. Время уже было за полночь. Многие бы назвали это никак иначе как одержимость. Другие же допустили мысль о целеустремлённости. Третьи бы вовсе называли его сумасшедшим. А может все три суждения и были правдой. Он вдумчиво прочитывал каждую строку и пытался найти хоть какую-нибудь зацепку, которая поможет ему занять царское место. Тяжёлые веки начали

закрывать после нескольких часов упорного труда, но ответов так и не было. "Неужели ничего нет, что может мне помочь? Я в это не верю!", – размышлял он и переворачивал одну дряхлую страницу за другой. Ему нужна была всего одна деталь, всего один даже самый незначительный намёк. «Сказание о Гельнее», – прошептал он и перевернул страницу. Рукопись рассказывала о возникновении испытания, его становлении, а также значении среди потомков Нильшерта. *«И нет сильнее человека, способного одолеть все стихии. Ибо кто возмужен, покорить их, покоряет саму природу».* Это лишь пустые слова, которые Мидек с раздражением пропускал глазами. *«... и нарекается мужем тот, кто покорил все: воздух, воду, огонь, землю. И имеет всю полноту прав, которые предоставляет город, и муж хранит честь Нильшерта и защищает его от всех врагов его. Тот, кто оступился (не прошёл гелнею), не может называться мужем и власти не имеет, и силы не имеет и оставлен будет он без всякого права на наследование от отца и город не будет ему родным».* «Вот оно!», – безумно прокричал Мидек. Если Кенваль провалит испытание, то не сможет быть наследником царя, а значит трон останется пустым после смерти Сотара. Ему оставалось надеяться, что мальчик действительно настолько беспомощен, как он думал. А если это и не так, то у него есть уникальная возможность помочь молодому царю никогда не стать правителем Нильшерта.

Сотар и Лукреций прогуливались по саду. Руки царя были скрещены на поясице, а вельможа шёл, сведя их в рукава перед собой. Светильники по правую и левую сторону на каменных округлых полосках были уже зажжены. Перед заходом солнца их всегда заполняют маслом. Волшебная тропа вела к дворцу. Каждую каменную линию над головой обвивали растения с сиреневыми бутонами цветов.

– Ходят слухи, что вы оставите престол, когда Кенвалю исполнится семнадцать.

– И кто же так много говорит?

– Разве вы не знаете, – твердо ответил Лукреций.

– Этому человеку ничего доверять нельзя.

– Слишком поздно вы это поняли.

– Нет, я поздно понял, что он изменился.

– Хотите сказать, он не всегда был одержим властью?

– Когда-то мы вместе плясали вон на тех зелёных полянах, – указал он пальцем в сторону от крепости.

– Не знал, что вы вместе выросли.

– Мы познакомились во время гелнеи. После неё он прошёл обучение в царской армии, а затем стал служить там.

– Очень снисходительно с вашей стороны было дружить с таким как он.

– Мидек был моим самым лучшим другом. Я думал, что это доверие между нами, ничто не может стереть. А когда мне в раннем возрасте пришлось занять престол, то он отстранился. Я не отталкивал его, он закрылся сам в себе и ничего не говорил. Но в его глазах я видел зависть. Самое гнилое чувство.

– Всегда больно терять близкого человека, – пронзительно произнёс Лукреций.

– Никакой титул не может отгородить тебя от этого. Ты всё равно остаёшься человеком.

– Война? Вы уверены? – вдруг понял, поменял русло разговора Лукреций.

– Нет. Но разве есть другой выход?

– Выход без пролития крови.

– Ты политик, Лука, как и я. Такие как мы, делаем всё для улучшения жизни государства.

Но иногда лучшая дипломатия – это острый клинок.

– Надеюсь, это целиком и полностью ваше решение.

– Мидек тут не причём. Его возгласы давно стали для меня пустым звуком. Это мой выбор. И, конечно, выбор мужей Нильшерта.

– Приятно слышать, что вы не идёте у него на поводу.

- Что на счёт завтра? Всё готово? – вдруг заволновался Сотар.
 - Да, ваше величество. Можно задать вопрос?
 - Да, разумеется.
 - Как вы думаете, он готов?
 - Не знаю, Лука, не знаю...
 - Вы же понимаете, что случится, если он оступится? Боюсь, царский титул не позволит обойти указания закона.
 - Я много думал над этим. Может в таком случае ему и вовсе не суждено править государством.
 - Кому же, если не вашему сыну?
 - Я много лет молил Бога дать мне наследника. Чтобы то, что я сотворил, не пропало без следа. И вот, Кенваль. Если он и вправду подарок с небес, тогда на всё, что бы, не произошло, будет воля Всевышнего.
 - Никогда не понимал, почему люди так превозносят веру.
 - Почему же? – удивлённо спросил Сотар и повернул голову к собеседнику.
 - Неужели нельзя всё взять в свои руки?
 - Если бы мы могли властвовать над всем, то сами бы стали богами.
 - Они уже подошли к боковому входу в крепость.
 - У вас завтра назначен суд, – напомнил ему напоследок Лукреций. – Сразу после официального завершения первого этапа.
 - Да, помню. Вилур утверждает, что сосед своровал часть его участка.
 - И каков будет исход дела?
 - Зависит от того, правду ли он говорит.
 - Правосудие... К сожалению, в нём часто выигрывает не тот, кто прав, а тот, кто убедит в этом других. Доброй ночи, ваше величество, – произнёс Лукреций и слегка поклонился.
 - Спокойной ночи.
- Звонкие удары в колокол извещали о том, что гельнея началась. Для всего населения это был праздник с ярмарками, представлениями и сладостями. Люди собирались, чтобы посмотреть на зрелища. Это были одни из немногих дней в году, когда им представлялась такая возможность. Лицезреть как будущие мужи Нильшерта проходят впечатляющие, а порой и опасные испытания, достаточно занимательно. Кенваль проснулся из-за шума. Было ранее утро. Каждый год он с интересом наблюдал, как мальчики становились мужчинами в этот день и каждый год он с нетерпением ждал этого события. Однако сегодня на его лице не было радости. Взволнованность и подавленность притесняли его душу. Избавиться от этих чувств ему могла помочь только победа. В узорном деревянном шкафу уже висели особые одежды призванного к гельнее. Они специально шились под каждого участника. Все завязки у них были сзади, чтобы в случае чего не зацепиться ими. Кожа была достаточно лёгкой, но не пропускала ветер, и из-за этого в ней было теплее, чем в привычных одеяниях. На верхней части формы был вышит царский символ власти – калиандр. Такой знак, конечно, имел право носить исключительно член правящей династии. Но для Кенваль это не больше, чем блеск звезд: лишь создаёт вид. Ему не хотелось отличаться от остальных призванных. Он спрыгнул с кровати и без особого энтузиазма дошёл до гардероба. За дверью уже стоял харон, чтобы помочь молодому царевичу одеться. В этот раз его помощь действительно не будет лишней. За ней послышались три быстрых постукивания.
- Входите, – закричал мальчик.
 - Доброе утро, ваше высочество. Я должен помочь вам в подготовке к вашему испытанию.
- Харон прошёл вперёд и ждал дальнейших указаний своего господина. Кенваль достал одежду и положил их на постель. Он снял ночную рубашку и принялся натягивать на себя камран. Боязнь порвать его не позволяла окончательно завершить действие.

– Позвольте, – произнёс Бэриель и начал помогать мальчику, влезть в одежды.

– Спасибо.

– Не нужно меня благодарить, это моя работа.

– Благодарность не такая большая плата за неё.

– Вы правы.

– Почему ты со мной соглашаешься?

Харон молча засовывал локоть молодого царя в рукав.

– Я не хочу, чтобы со мной обращались как с царём.

– Но вы и есть царь, – возразил Бэриель.

– Неправда. Мой отец царь, мой дед был царём. А я... Чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, что это не моя судьба.

– Вы не хотите занять престол?

– Я хочу, чтобы не только престол был в моей жизни.

– А что ещё конкретно вам нужно?

– Я... Я не знаю.

– Нельзя получить того, чего не знаешь. Отсутствие стремлений навсегда губят человека.

И, возможно, вся проблема в том, что вы не знаете, чего хотите.

– А какие стремления у вас? – с неким недовольством спросил Кенваль.

– Стать достойным примером своему сыну и воспитать его хорошим человеком.

– Думаю, вы уже стали им.

– Благодарю, ваше величество.

Харон затянул последний шнур и Кенваль мог спокойно передвигаться.

– Крепко? – неуверенно спросил мальчик после, взмахов и подёргиваний.

– Крепче некуда. Если я свяжу сильнее, то камран будет сдавливать вам грудную клетку и станет тяжело дышать.

– Спасибо вам.

– Если вам больше не нужна моя помощь, то с вашего позволения...

– Да, конечно, можешь идти.

Бэриель вновь поклонился и вышел за дверь. Кенваль надел остальное снаряжение. Ему захотелось вновь взглянуть на город свысока. Холодная лоджия ни за что бы не дала своему посетителю ступить на нее босиком. Однако мальчика это не так волновало. Он прошёл до каменной ограды и попытался залезть на неё. Ребенок поставил руки на выступ и сделал рывок. Прямые локти помогали ему держаться и смотреть за происходящим. Сотни людей были заняты своими делами: хароны, стража, дворцовые вельможи, крестьяне. Большинство из них были заняты подготовкой к самому важному событию года. Некоторые жители ходили и продавали свежеиспечённый хлеб, который лежал в больших плетеных корзинах. Его запах доставал даже до ноздрей мальчика. Он сделал глубокий вдох, и ему захотелось вкусить эту хрустящую румяную булочку. Другие же, стояли за деревянными прилавками и продавали сладости, окрикая каждого прохожего. Голод всегда даёт о себе знать, когда ты чем-либо увлечен, и торговцы это прекрасно понимали. Праздники всегда хорошее время для наживы. На придворной территории уже устанавливали большую глиняную таблицу, на которой выцарапывали имя участника и номер испытания. Там отмечались все победы и поражения, в конце каждого дня. Это служило доказательством тому, что они прошли гелнею. Ему не хотелось уходить отсюда, он привык быть сторонним наблюдателем. Но вряд ли отец добродушно оценит его отказ участвовать во всем этом. Кенваль спрыгнул и приземлился на пол. Скоро всё должно было начаться, лучше прийти немного раньше, чем вовсе опоздать. Он ещё раз проверил прочность завязок и стал спускаться во двор. Все приветствовали его, чуть кланяясь, а он лишь шёл вперёд и кивал головой. Он чувствовал себя не на своём месте, будто что-то идёт не так. "Может так и должно быть?". Каждый обязан перейти эту черту невидимого и

пугающего, то, что ставит нас в неудобное положение. Если делать всегда то, что вызывает комфорт и тепло, нельзя возрасти духом. Чтобы двигаться дальше, надо приносить в жертву своё состояние защищённости и уюта. Кенваль встал напротив стены и задрал голову. Позади него послышались звуки ссоры:

– Хватит мучать сына! – вскричала женщина, прижимая мальчика.

– Неужели ты не понимаешь, что это его будущее? Чего он добьётся, если останется полоть грядки и вспахивать их? Если он станет мужем Нильшерта, то может получить государственную должность и станет жить как человек.

– А что, если он разобьётся?

– Он ловкий малый, не о чем переживать. Что ты хочешь? Вот так прожить всю свою жизнь?

– А чем это плохо?

– Зельнара, очнись! – повысил тон голоса мужчина. – Мы живём в бедности!

– Зато мы живы и здоровы, а ты хочешь превратить Агана в калеку. Помнишь своего деда? Что с ним стало после его гельнеи?

– Варас всегда был неуклюжим... А наш сын любому покажет пример.

– К этим испытаниям готовятся, а ты хочешь отпустить его без корма на рыбалку!

Оживленный разговор не мог позволить понять, что около них уже стоит один из харонов.

– Так вы принимаете участие? – спросил он.

– Конечно.

– Нет, не слушайте его, – прокричала мать.

– Имя вашего сына.

– Аган из Лора, – твёрдо произнёс мужчина.

– Нет! Он не будет участвовать! – продолжала Зельнара.

– Ваше имя скоро будет занесено в список. Готовьтесь. Одежду и обувь вы можете получить в Листойвой постройке, – сказал Харон и указал большим пальцем назад через плечо.

Звук горна заставил всех взбудоражиться и оглядываться вокруг. Началось. Огромные дворцовые ворота распахнули, из них показался царь со своей свитой. Длинная мантия трепетала под сильным ветром. Для него было уготовано место на улице. Все остальные начали скапливаться вокруг его стражи. Толпа всё густела, пока не вышел окрал, главный организатор гельнеи:

– Именем законного царя Сотара, сына Фейлона, гельнея объявляется открытой. Первое испытание воздух. И писали следующее отцы, – мужчина открыл большой том книги и начал зачитывать вслух. – И да имеет каждый власть над воздухом. Не свободен тот, кому дуновения не являются братьями, а ветер не является сестрой. Ибо в них открыты все стремления и воля. Когда покорен воздух, покорен и сам человек для себя.

После своей восклицательной речи он подошёл к Сотару и встав на одно колено, преподнес ему древние писания. Царь взял обеими руками за книгу. Теперь его очередь говорить вступительное слово. И все от него этого ждут. Нельзя сказать, что он каким-то образом располагал к себе высказываниями или его хотелось слушать, скорее это было частью обычая, который требовал неукоснительного соблюдения.

– Друзья, мы собрались здесь по всем известной причине. Сегодня каждый из этих мальчиков желает доказать то, что он достоин звания мужа. Испокон веков это испытание считалось критерием отбора самых сильных телом и духом молодых жителей Нильшерта. И поистине это одно из величайших событий нашего народа. Но никогда более оно не было волнительнее для меня, чем сейчас. Мой сын Кенваль один из участников гельнеи. И я искренне верю, что он проявит свои лучшие качества и станет достойным участником. Но сегодня достоин уважения не только он, но каждый, кто решился на этот нелегкий выбор. Итак, удачи вам будущие мужи Нильшерта. Идите и побеждайте!

"Ну, зачем нужно было говорить, про то, что я его сын", – отчаянно проговорил себе под нос Кенваль. Он никогда не любил излишнее внимание, а среди толпы и подавно. Теперь же каждый из жителей пытался высмотреть кто из этих мальчиков, стоящих в прямой линии, молодой царь.

– Вандай из Фура, – объявил окрал.

Все ребята в ряду начали крутить головой. Кроме одного. Вандай робко выставил ногу и сделал шаг вперёд.

– Ваш выход.

Дрожащие колени мальчика, твердили о том, что он не просто боится, а по-настоящему сходит с ума. Что в свою очередь мало кого волновало, в том числе и его родителей. Удачное прохождение гелнеи – это ключ к успеху, но не каждый понимает какова его плата. Мальчик дошёл до стены и начал карабкаться вверх. Необходимо было подняться до балкона и перейти за его каменную ограду. У него не было ошибок в движениях, но было заметно, что это даётся ему с трудом. Страх терзал его рассудок, из-за чего это стало для него одним из самых сложных и запоминающихся моментов жизни. Однако, так или иначе, он добрался до конца и влез на лоджию.

– Вайдан, воздух! – выкрикнул окрал. Весь народ хором повторил его реплику. Писарь начал выцарапывать на таблице знак воздуха, напротив имени мальчика. Он обозначал порывы ветра, которые направлены к имени участника, а значит воздух к нему благосклонен, и он прошёл испытание.

– Горацио из Ксанта.

Кенваль стал смотреть, как его друг выходит вперёд. В этот момент он искренне желал того, чтобы тот упал. Похоже Горацио навсегда испортил отношения между ними. Хоть Кенвалю и казалось, что они дружили, на самом деле это было просто время, проведенное вместе. Он никогда не испытывал к нему доверия, но хотел ровняться на него.

Горацио смело полз наверх. Складывалось ощущение, что это дело доставляло ему удовольствие. Никакого волнения и отчаяния. Зависть Кенваля стала съедать его изнутри. Мало того, что он должен сделать это, так ещё из-за этого самовлюблённого мальчишки, нельзя было оступиться вообще. Иначе он будет хуже него. А это то, чего он хочет в последнюю очередь.

– Горацио, воздух!

– Горацио воздух! – закричали следом жители.

Недовольный взгляд Кенваля не сходил с отдалённого силуэта своего знакомого.

– Аган из Лора.

После объявления следующего призванного молодой царь повернул голову. Мальчик неуверенно вышел и стал оглядываться по сторонам. "Что им от меня нужно?", – читалось в его напуганных глазах. Он не хочет быть здесь. Но воля родителя превыше его собственной. Так было раньше, так будет всегда. Он смиренно подошёл к стене и стал тяжело вдыхать пыльный воздух. Он не готов. Рука неуверенно потянулась к выступу. Никому не нужен человек способный, прокормить себя собственными руками. Все стремятся к славе и богатству. Но почему в этот момент оно совершенно не волнует его? Эта цена... Слишком большая плата за хорошую жизнь. Так думал он, но никак не его отец. Руки дрожали и Аган еле держался. Мальчик набрал уже неплохую высоту, но это был ещё не конец. С каждой секундой, проведенной на этой проклятой стене, ему становилось всё тяжелее.

– Давай, Аган! Лезь дальше! – кричал отец.

Реплики мужчины только больше заставляли его чувствовать свою слабость. Порыв ветра проскочил около мальчика, когда тот решил влезть повыше. Он не смог удержаться и с воплем стал падать вниз. Вся толпа сделала истошающий вдох и замерла в ожидании.

– Аган! – проревела мать и бросилась к своему сыну.

Мальчик был без сознания. Зельнара пыталась привести его в чувства, но тщетно. Свалиться с такой высоты: нужно было только надеяться, что он останется жить.

– Аган отступил! – крикнул окрал.

Народ молча наблюдал, как мальчика уносят. В такие моменты лучше ничего не говорить. Ведь каждое слово может обернуться не самым хорошим образом. Напротив имени участника появилась надпись неудачи. Сегодня ветер оказался к мальчику неблагоприятным.

– Кенваль из Фура!

Он до последнего надеялся, что эта участь его минует. Камран стеснял его движения. Сотни глаз смотрели, как он идёт к стене. Кенваль повернул голову в сторону отца и матери: Сотар кивнул головой, показывая, что с ним всё будет хорошо. Слева от царя стоял Мидек, который своей язвительной улыбкой, внушал мальчику нечто иное, чем победу. Кенваль не должен поддаваться на подобного рода манипуляции, однако такое всегда сбивало его с толку. "Соберись, Кенваль, думай только об испытании, только об испытании", – твердил он себе. Ладонь осторожно коснулась камня. Ощущения как в первый раз. Тот же страх, та же тревога. Его неровное дыхание можно было услышать даже из самой глуши толпы. Царь с опаской смотрел, как сын склонил голову перед стеной. "Чего он ждёт?". Мальчику нужно было отогнать от себя все лишние мысли, а уже после целеустремлённо лезть наверх. Ухмылка нового военкомандующего не сползала с глупой рожи. Это то, чего он хочет: чтобы мальчик стал посмешищем среди всего Нильшерта, и тогда даже собственный отец не станет воспринимать его всерьёз.

Кенваль поднял вторую руку и зацепился за выступ. Он сделал это. Переборол себя. Мальчик поднимался всё выше и выше. Не сказать, что он был лучше остальных, но каждый из присутствующих чувствовал его несломимый дух. Все шло настолько хорошо. Кенваль был полностью сконцентрирован. И вот последний рывок и он зацепляется за ограду лоджии. Однако в один миг его нога соскальзывает из-за порыва ветра, и он повисает на одной руке. Все зрители разом ахнули от увиденного. "Так хорошо идти и в конце потерять свою победу, наверное, очень обидно", – думали они. Мидек уже мысленно праздновал свой триумф. В его голове играла музыка победных маршей. Однако Кенваль знал, что делать. Мальчик начал раскачиваться из стороны в сторону, вытянув вверх левую руку. "Что он творит?", – недоумевал Сотар. Все были в изумлении от изобретательности молодого царя, но мало верили в то, что это сработает. Рывок, ещё один... Кенвалю не доставало совсем немного до угла ограждения.

– Кенваль! Кенваль! Кенваль! – начали усиливаться крики из толпы.

Каждый в поддержку выкрикивал его имя. Всю царскую свиту это не на шутку смутило.

– Тихо! Прекратите! – пробовал перекричать их окрал.

Его попытки были обречены на провал. Они, были готовы сорвать себе голос, лишь бы Кенваль сделал это. Нравится людям очень тонкое дело. Сам того не понимая, но молодой царь нашел подход к их сердцам своим упорством и силой воли. Слыша, как скандируют его имя, мальчик воодушевился и смог дотянуться до камня второй ладонью.

– Да! – вновь завопил народ.

Кенваль подтянулся и забрался. Он повернулся и увидел, как все ему рукоплещут. Словно водопад славы сливался на его голову. Мальчик не мог поверить, что это происходит. "Я им нравлюсь? Неужели я им нравлюсь?", – думал он и махал ладонью своим будущим подданным.

– Кенваль, воздух!

Мальчик быстро спустился по лестнице к остальным, прошедшим испытание, чтобы посмотреть, как выступят оставшиеся. Громкие возгласы не утихали до тех пор, пока не был объявлен следующий участник.

– Кейл из Заречных земель!

Ни секунды не сомневаясь мальчик вышел вперёд. Будто он с нетерпением ждал этого мгновения. С размахистыми взмахами рук, он дошёл до стены и тут же без всякого страха стал взбираться по ней. Так быстро и чётко, что все шелы затаили дыхание. А возможно они просто потеряли дар речи. Через пару мгновений Кейл уже озирал весь город своим суровым взглядом.

Теперь всё внимание было приковано к нему.

– Кейл, воздух!

Сотни криков слились в протяжный гул восклицания и признания. Мальчик всем своим видом твердил: "Ну что? Неужели вы сможете также? Не думаю". И это было правдой. Никто из них не осмелится посоревноваться с Кейлом в ловкости.

– Не может быть! – воскликнул Кенваль. – Я спуститься не успел, как он уже там стоит.

– Похоже, нас всех сегодня обыграли, – сказал Горацио. – Посмотрим, так ли он хорош в воде.

– Думаешь, сколько дойдёт до финала?

– Я точно дойду, – самонадеянно произнёс Горацио.

– Я имею ввиду, что последнее испытание парное. Что делать, если будет неравное количество людей?

– Не знаю. Может, кто-то будет драться дважды.

– Это глупо!

– Они приглашают проигравших прошлой Гельнеи, – заявил Вайдан.

– Что? Это же несправедливо!

– Таковы предания. Если у участника не хватает пары, то ему выбирают противника из прошлогоднего испытания.

– Кому-то точно не повезет, – сказал Горацио, уверенный, что это его никак не коснётся.

Уж у него то, все будет как нужно.

– Сколько там осталось?

– Ещё двое.

Все внимательно наблюдали за еще одним мальчиком, поднимающимся по стене. Должно быть, без разницы сможет ли он достичь верха или же останется ни с чем. Однако им хотелось, чтобы он упал. Это звучит очень мерзко, но каждый из них желал, чтобы он одержал поражение в собственном испытании. Что они от этого получают? Вопрос остаётся без ответа. Возможно, это азарт и самовлюблённость затмевающие их разум.

– Айтен, воздух! – прокричал окрал.

Горацио и остальные поникли духом.

– Не может быть, чтобы это было так легко. Разве эти дети хоть что-то умеют, кроме того, как убирать навоз из-под скотины?

– Хватит говорить так, будто ты один достоин здесь стоять, Горацио, – разозлился Кенваль

– Потому что так и есть.

Кейл с неистовой яростью смотрел на своего нового знакомого, еле сдерживаясь, чтобы не мокнуть его глупое лицо в бочку с водой, которая стояла рядом.

– Говорят, трудно принимать поражение, когда ты полностью уверен в своей победе. Видимо, для тебя проиграть будет равносильно смерти.

– Я не проиграю! – закричал Горацио.

– Именно об этом я и говорю.

– Силур, воздух!

После этих слов прозвучал финальный горн и всех призванных позвали для закрытия гельнеи. Они толпой дошли до своих мест и молча ждали дальнейших действий окрала.

– Первый этап гельнеи объявляется завершённым. Количество участников, прошедших на второй этап определено в турнирной таблице. Следующее испытание вода. Завтра торжественная часть начнётся, в тоже самое время на берегу реки Тельзы, рядом с разрушенной крепостью. Желаю всем удачи и благодарю за ваше участие, – сказал окрал и посмотрел на царя, чтобы тот высказался.

Сотар встал и поправил свои длинные одежды. Грендель тихо наблюдала за его движениями пока он не начал говорить:

– Каждый из вас сегодня проявил мужество, силу и достойно отстоял честь своего имени. Однако вы лишь в начале пути. Поэтому не стоит упиваться сладкой победой. Как сказано в преданиях: "Глупец не тот, кто проиграл, а тот, кто победил сражение и считает, что война на этом закончилась". Будущие мужи Нильшерта, ваша война только началась. Не будьте глупцами и знайте, что впереди ещё много сражений.

После этих слов все громко аплодировали. На сегодня зрелища закончились. Люди начали потихоньку расходиться. Некоторые же продолжали распивать вино и весело танцевать под песни уличных музыкантов. Сотар вместе со своей супругой и свитой направился во дворец, где в судебном зале его ожидали два шела, желающих разрешить свой спор.

В зал вошёл царь и все следом встали со своих мест. Сотар размеренными шагами дошёл до трона и жестом указал, что можно садиться.

– Итак, дело видимо, действительно значимое, раз слух о вашей проблеме дошёл до монарха. Мне сказали, что местный суд не сумел вынести справедливое решение по спору. Это так?

– Да, ваше величество.

– Так и есть ваше благородство.

– Ну, что же... Мой удел как высшего властного лица разобраться в вашей проблеме. Сначала выскажется Вилур, а затем Петроний. Вам слово, – произнёс царь и протянул руку к говорящему.

– Дело в том, что моя земля расположена в центре Нильшерта, на окраине Фура. Она уже несколько десятилетий находится в собственности нашего рода и передаётся от отца к сыну. Ещё мой прадед срывал с кустов сочные лиандри и вкушал их. А теперь мой сосед говорит о том, что треть участка должна быть его. Он утверждает, что мой отец продал часть земли его отцу за мешок зерна. Но быть такого не может! Такая земля сейчас стоит не меньше пятисот никелей золота. А в то время она ценилась и того больше. Мой отец был в здравом уме и никогда не испытывал каких-либо проблем со здоровьем.

– Ситуация мне понятна. Ваш черед.

– Ваше величество всё, что было сказано, правда. И эта купчая тому доказательство.

Мужчина взял в руки старую и истрёпанную бумагу, на которой слегка поплыли чернила.

– Прошу, Торн, передай мне её, – попросил царь своего харона.

– Там черным по белу написано, что мой отец добросовестно приобрел данную часть земли. Я не захватчик и мне не нужно чужого. В конце страницы есть подпись обоих: покупателя и продавца.

– Разве это не подпись вашего рода?

– Моего, ваше величество.

– Ваши отцы договорились о продаже земли, и их согласие подтверждается подписями на купчей. В чём суть спора?

– Мой отец не просто умер от старости. Его смерть была насильственной. Возможно, его заставили подписать бумагу под страхом смерти. Кроме того, он неоднократно рассказывал, что ссорился со своим соседом. А порой и вовсе доходило до драки. Они друг друга недолюбливали. Так какой прок моему отцу за гроши продавать землю своему злейшему врагу?

– Есть свидетели, которые подтвердят напряжённые отношения между вашими отцами?
– Это Мединия, ещё одна соседка по земле, – мужчина схватился за руку старушки и вывел её вперёд для речи.

– Можете присесть, если вам тяжело стоять.

Седые волосы были аккуратно собраны в пучок. Несколько бородавок на лице вызывали неприязнь. Ей было лет за семьдесят. Кожа вся уже сухая и морщинистая. Но живые глаза, в которых играл вечерний свет.

– Спасибо, ваше величество, я постою. Так вот значит, как не проснусь, утром Уйви уже с Хамстаном ругается. Что не поделили, не знаю, но кричали так, что куры мои бегали как сумасшедшие. А ведь это не близко так, земли то большие.

– То есть они постоянно ссорились?

– Дай Бог памяти вспомнить хоть один день, когда они не ругались.

– Хорошо, я выслушал вас. Благодарю. Мне необходимо время для раздумий и принятия решения по вашему делу. С вашего позволения я возьму купчую себе, а после верну. Следующее заседание будет проходить через пять дней в этом же зале.

После сказанного Сотар встал. Остальные словно по щелчку поднялись следом за ним. Они провожали царя взглядом до тех пор, пока он не вышел из помещения. Скрипучая дверь затворилась.

Кенваль был у себя в покоях, когда мимо проходила Элара. Все его попытки развязать камран были неудачными. И как назло никого из харонов не было рядом. Девочка осторожно встала у прохода и наблюдала, как Кенваль тянулся руками назад, пытаясь нащупать верёвку своими пальцами.

– Тебе помочь?

Мальчик тут же развернулся и увидел в дверях свою знакомую. Вид его был до боли смешон, поэтому он немного смутился.

– Этот дурацкий узел, не могу до него дотянуться, – с досадой произнёс Кенваль.

Элара подошла и одним рывком распустила завязанную верёвку.

– Благодарю.

Кенваль стал вырываться из кожаных объятий. А когда они перестали сдавливать всё тело, то глубоко вздохнул.

– А почему на улице так много народа? – вдруг спросила Элара.

– Сегодня же гельнея.

– Гельнея?

– Да. Ты что не знаешь, что это? – удивлённо произнёс Кенваль.

– Нет. А должна?

– Это испытание для мальчиков. Оно проходит каждый год.

– Почему только для мальчиков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.